

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ
ВЕНСКИЙ
ВАЛЬС

18+

Братья Швальнеры
Венский вальс

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Швальнеры Б.

Венский вальс / Б. Швальнеры — «ЛитРес: Самиздат», 2018

1913 год, Вена. В это время там жили Сталин, Троцкий, Гитлер, Фрейд, Юнг и будущий вождь Югославии Иосип Броз Тито. События, которые связали их в этот год в сердце Европы, много лет оставались по понятной причине тайной за семью печатями. В то же время умолчать о них в наш 21 век было бы просто преступлением. Любовь, мистика, дуэли, шпионаж, чудеса психиатрии — все это на фоне напряженного предвоенного времени... Иллюстрация на обложке - автора.

Содержание

Глава первая. Дворец Хофбург[1]	5
Глава вторая. Улица Бергассе	12
Глава третья. Церковь Карлскирхе	19
Доктор Сигурд Йоханссон. О событиях в Вене в 1913 году и действительном происхождении Сталина	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава первая. Дворец Хофбург¹

Вена, весна 1913 года

Наследный принц Франц Фердинанд приехал в Хофбургский дворец не в лучшем расположении духа. Он вообще не любил своего дядьку, действующего Императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, и потому посещение его официальной резиденции по высочайшему приказу в столь солнечный весенний день способно было только испортить ему настроение, но никак не поднять его и не настроить на деловой лад. Мысленно молодой эрцгерцог давно уже вступил на престол и даже внедрил определенные внутривластные новшества в жизнь под именем Франца Второго; отправил в отставку давно застаревшее охвостье правительства старика, давно выжившего из ума; привел к присяге свое новое окружение, роившееся вокруг него в Бельведерском дворце и даже начал объединять щедро растроченные вялым во всех отношениях предшественником восточные территории в Соединенные Штаты – наподобие американских, увиденных им 20 лет назад и описанных им в путеводителе по миру. И только уже вышедшее за все энциклопедические пределы проживание дядьки под добрую сотню лет под луной мешало ему наконец-то реализовать свои планы. И добро бы только редкие визиты в Хофбург омрачали настроение будущего молодого властителя самого большого государства в Европе – временами приходилось выслушивать его претензии, связанные с личной жизнью, органо-гическим браком с чешкой, мнениями относительно внутренней и внешней политики. Хуже было еще и то, что старческий маразм не выбирает жертв в зависимости от фамильной принадлежности и оттого поразил действующего монарха в самое сердце и в самый мозг, сделав его политические взгляды абсурдными, а его преемника куда более раздражительным, чем 30 лет назад, когда умер его отец и, ввиду отсутствия детей у самого Франца-Иосифа он стал его официально объявленным наследником под именем Франца Второго. Всякий раз, когда монарх вызывал его в Хофбургский дворец, настроение Франца Фердинанда портилось не только от осознания того, что следующие 5–6 часов ему придется созерцать старые, мрачные, готические интерьеры дворца, наводящие поневоле на дурные и гнусные мысли, но и оттого, что собеседником его будет выживший из ума старик, считавший свои мысли единственно верными, но глупость которых мог поставить под сомнение любой школяр. Однако, делать нечего – монарх есть монарх, и по вызову следовало явиться.

Меж тем сама природа, демонстрировавшая после долгой и холодной зимы свое обновление и оживление, протестовала против любого проявления мрака и тьмы, к которым, без сомнения, можно было отнести Франца-Иосифа. Кругом все пело и танцевало под залихватские вальсы старого венца, вечно живого Штрауса, солнце грело и чудесным образом превращало холодные былины когда-то живых деревьев в прекрасные цветущие пейзажи. Эрцгерцог созерцал красоту австрийской столицы из окна кареты, стремительно приближавшейся ко дворцу правителя империи.

Камердинер сухо встретил будущего своего хозяина у входа во дворец, смерив его недвольным и строптивым взглядом. Верный пес был зеркальным отражением своего хозяина, но не мог и не хотел совладать со своими эмоциями – он прекрасно понимал, что новая метла по-новому метет, и ему априори не придется встречаться с Францем Вторым в этом качестве. Эмоции же у всех обитателей Хофбургского дворца в отношении его сегодняшнего визитера

¹ Примечание авторов. Каждая глава носит название какой-либо достопримечательности Вены, так или иначе связанной с описываемыми в ней событиями.

совпадали по вектору направленности с его эмоциями. Несмотря на это, встречи двух монархов – действующего и будущего – не отличались краткостью и лаконичностью.

– Ваше Величество... – войдя в приемную залу, заговорил Франц Фердинанд, но очень скоро замолчал, увидев, что старик даже не счел нужным почтить его своевременным присутствием в месте встречи. Он появился пятью минутами позже, продемонстрировав августейшему визитеру дополнительно свое неуважение. Медленным шагом, поглаживая огромные усы и несуразно зияющую лысину, некогда наводившую ужас на прочих мировых монархов, шаркая, старик уселся в трон, даже не подняв глаза на своего будущего преемника и только махнув рукой на его натянутое вставание.

– Как видно, Божье разумение во всем не знает пределов. Когда Он не соизволил дать мне наследника, то, конечно, понимал, что на престол взойдешь ты, но разве мог Он предвидеть, что своими революционными воззрениями ты поставишь нашу страну на край гибели?! – с порога претенциозно начал Франц-Иосиф.

– Чем вызвано такое недоверие монарха ко мне?

– А с каких пор тебя волнует наше мнение?

– Ну что вы, Ваше Величество?! Уже не раз двор выказывал недоверие ко мне, в том числе, когда на рассмотрение рейхсрата был вынесен вопрос об одобрении моего морганатического брака. Прямо скажем, если бы не позиция премьер-министра, быть бы мне навек несчастным человеком...

– Премьер-министр – дурак, – отрезал Франц-Иосиф. – Была бы моя воля...

– Вот потому я и спрашиваю ее сейчас. К чему мне еще готовиться?

– Что за пашни у тебя с Николаем?

– Вы говорите о русском царе?

– А ты знаешь другого Николая? Кроме Санта-Клауса, разумеется?

– Не понимаю, чем вы на сей раз недовольны. Он наш дальний родственник, и позицию свою в отношении нашего государства выражает как очень и очень терпимую...

– Тогда уж я тебя не понимаю. Ты со своей теорией о Соединенных Штатах неоднократно, в том числе, в рейхсрате, озвучивал мысль о необходимости присоединения Сербии, а Николай всячески расшаркивается перед тамошним королем, Александром Вторым. Мы не можем сегодня рассматривать его как своего союзника...

– Кажется, в отношении его предшественников – Обреновичей – у вас было иное мнение.

– Потому что они вели себя иначе! А сейчас? Сербия обретает силу, поднимает голову, и создает опасность уже для нас. Тамошняя масонская ложа, «Черная рука», только и говорит, что о развале Австро-Венгрии и сербском национальном шовинизме. Того же жаждут и хорваты, щедро прикрытые крылом Карагеоргиевича. Если мы не нападём на сербов, они сгруппируют силы и нападут на нас. Версальский договор воспринимается ими как проявление нашей слабости, а ты еще и с Николаем заигрывать решил!..

– Не думаю, чтобы они готовили нападение. И потом – если вы говорите о моей идее со Штатами, то она носит в основе сугубо мирный характер, ни о каком силовом военном присоединении, а читай – о мировой войне, – речи нет.

– Ну и очень зря! Призываю тебя пересмотреть свое видение вопроса. Тем более, что огромное количество русских террористов и коммунистов скрывается в Вене в настоящее время. Тебе это, хочешь сказать, неизвестно?

– Это политические эмигранты.

– Ха-ха! Ну и бред! И ты думаешь, что люди, которые причастны к смерти предпоследнего царя и то и дело представляют опасность для короны, рассматриваются ею как политические эмигранты?! Они самые настоящие террористы, и своим укрывательством ты демонстрируешь всему миру свое негативное отношение к русскому царю. Думаешь, после всего этого он улыбается тебе искренне? Все его жесты правдивы или же лукавы и направлены с одной-

единственной целью: морально разоружить тебя, чтобы в момент, когда сербы будут готовы к атаке, переметнуться в их лагерь? Ведь с сербами у него отношения куда ближе, чем с тобой! Враг моего врага – мой друг! Только так, и никак иначе. Взять хотя бы беглого мятежника Ленина – в Германии он находится под арестом. Оттого кайзер стоит куда ближе к Николаю, чем ты. Они практически образовали коалицию. Вот и ты не будь дураком – пойми уже, что интересы государства для тебя важнее личных симпатий!

– Я ни на минуту не забывал об этом...

– А сейчас забыл!

Франц Фердинанд задумался. Оживление природы, приток весеннего ветра и свежести, как видно, впервые сказалось и на его закоснелом собеседнике. Впервые за много лет, что не удавалось им найти общий язык, кажется, промелькнуло и между такими ожесточенными спорщиками нечто вроде взаимопонимания. Главное, что эрцгерцог задумался о состоятельности слов своего предшественника и наставника. Раздумье было сложно скрыть – он подошел к окну и стал пристально смотреть вдаль.

В это самое время с проспекта Каринтии за дворцом Хофбург наблюдал в бинокль молодой человек, лет тридцати. Он был худощав. Черная борода покрыла его лицо, густая шапка волос красиво украшала мудрую голову немногословного, а оттого кажущегося более интеллектуальным, человека. Он наблюдал за дворцом внимательно, время от времени ловя себя на таких мыслях:

«Ну надо же, какой ремонт отгрохали! Еще год назад вид был совершенно другой, а сейчас ничего не скажешь – государство в государстве. Его бы вскрыть, да потрясти как следует его обитателей – тогда бы разом все партийные проблемы решились. И на газету бы наскребли, и на съем нового помещения. А то и на покупку!...»

Он думал так неслучайно – пару месяцев тому назад он приехал сюда из Грузии, где совершил ряд вооруженных грабежей, в том числе ограбил дом князя Абашидзе. Денег он заработал великое множество, но богаче не стал – он пожертвовал их все в кассу партии, членом которой состоял уже много лет. Почему он так поступил? Настолько ли благожелательна его натура, что все деньги, которые он таким путем зарабатывал, отдавал он нуждающимся – будь то товарищи – партийцы или просто сырые и убогие? Нет, дело в другом. Дело в том, что его партия – запрещенная у него на родине – сама и отправляла его на все эти экспроприации, как выражалось его начальство. Если говорить о самом высоком, то оно и вовсе считало, что всякий крупный капитал нажит нечестным путем, и потому в его отъеме нет ничего предосудительного. Именно потому молодой Сосо (или Иосиф, если верить метрике) занимался своим любимым делом достаточно активно. Вот только царская власть не одобряла такого поведения своего подданного – оттого и пришлось ему сейчас отсиживаться в Вене, ибо дома его ждала только каторга. Да и партийное расслоение не прибавляло ему удовольствия – ряд членов организации, в которой он состоял, стали осуждать его способы пополнения партийной казны, и оттого, чтобы не навлекать на себя излишнего недовольства, а также подтянуть свои теоретические познания в марксизме, составляющем идеологическую основу их деятельности, сейчас Сосо вынужденно пребывал в Вене. Он был здесь не один, с ним жил один его товарищ, еврей Лейба. Познания последнего в классовой теории были фантастически высокими, но Сосо (или Коба, как звали его товарищи по ссылке) неохотно воспринимал чернильную науку. Оттого, пренебрегая безопасностью, он часто выходил в город, бродил по нему, осматривал его достопримечательности. Так случилось и сейчас – соскучившись по свежему горному воздуху родного Гори, в поисках новых, доселе неизведанных красот, Иосиф отправился на прогулку, в ходе которой его внимание и привлек королевский дворец.

Народу на улице Каринтии было обыкновенно много – начавшаяся весна выгнала венцев на мостовые и проулки австро-венгерской столицы, но никто не обращал на смотревшего в бинокль на главную городскую достопримечательность молодого смуглого мужчину; всем было

не до него. Только один невысокий и худощавый, еще более молодой человек в фетровой шляпе почему-то остановил на нем свой взор. Проведя рукой по тонким губам и тонким усам, он наконец решился и подошел к наблюдателю вплотную.

– Любуетесь королевскими покоями?

– Да, – не моргнув глазом, ответил Сосо. – Сожалею о том, что я не художник – если бы наделил меня Бог таким даром, я бы картины писал с таких вот шедевров.

Молодой человек рассмеялся:

– Тоже мне, пейзаж.

– Однако, как вы привередливы!

– Сразу видно, что в Вене вы совсем недавно. Я вот лично пребываю здесь уж полгода, и от Хофбурга, и от Бельведера меня уже тошнит.

– Смело... Однако, спешу вас разуверить – год назад я был в Вене и много времени посвятил изучению здешних достопримечательностей. И должен вам сказать, что тот же самый Хофбург значительно изменился.

– Это так. Возможно, сама моя жизнь настолько скучна и безрадостна здесь, что все мне кажется серым и уродливым.

– Жизнь художника скучна и кажется серой?! Ну знаете ли...

– Именно так. По образованию я портретист, приехал сюда из Германии, из маленького городка Браунау-на-Инне, в надежде на огромные гонорары, которые обычно платят мастерам портретного изображения, но здешние бюргеры больше предпочитают открытки с местными же пейзажами, которые, увы, стоят совсем не дорого. Все это не может меня не тяготить, учитывая отсутствие у меня какого-либо иного образования, из чего, как вы понимаете, проистекает безысходность моего существования...

– Уверяю вас, что поводов для грусти нет ни малейших. У меня вот вообще никакого образования нет, и все же я не грущу.

– Тогда зачем вы здесь? Устроитесь грузчиком в порту и будете получать от этого удовольствие? – грустно улыбнулся молодой художник.

– А почему бы и нет? – иронично улыбнулся Коба. – Лично для меня деньги не являются самоцелью и уж точно не влияют на уровень счастья в моей крови.

– Отчего так? Вы философ?

– В некотором роде. По роду службы я часто держу в руках огромные суммы, с которыми после приходится расставаться, так что, если я всякий раз буду об этом сожалеть, то впору будет повеситься. А лишать жизни себя, – он сделал акцент на слове «себя», – я не готов.

– Что же за служба у вас?

– Я бомбист.

Молодой человек посмотрел в глаза наблюдателю. Подобной смелости сложно было ожидать от случайного знакомого, даже не назвавшего своего имени.

– Меня зовут Адольф. Адольф Шикльгрубер.

– Тогда пойдемте в гаштет и выпьем за знакомство!

Они улыбнулись друг другу и уже через несколько минут сидели в пивной на бульваре Ринг – поистине удивительной венской улице, чья архитектура сочетала в себе все возможные элементы и стили. Здесь были и дома знати, и старинные купеческие лавки, и новые магазины, и аккуратные «дамские» кафе, и вечно кричащие пивные. Разброд и карнавал царил на бульваре Ринг – примерно такой, какой творился сейчас в голове молодого художника, назвавшегося фамилией отца, но по паспорту давно носившего фамилию матери – Гитлер.

– Вы, кажется, сказали, что вы художник?

– Именно так.

– И отчего такой дивный, славящийся своими пейзажами и живописными местами, город не нашел в вашем лице достойного почитателя?

– Я ведь уже обмолвился о том, что я портретист. А местным евреям портреты их нужны как собаке, простите, пятая.

– Разве нет здесь никого, кроме евреев? Вот я, к примеру, не еврей. Я грузин. Конечно, не настолько состоятельный, чтобы позволить себе заказывать собственные изображения в полный рост или на наполеоновом коне. Но все же, мне кажется...

– Сразу видно, что вы не австрияк. Вы совсем не знаете местных нравов. Должно быть, у вас в России засилье евреев не так сильно, как здесь, где сходятся, подобно Риму, все торговые пути и развилки. А их, как правило, привлекает именно торговля. Все эти потомки и порожденцы Ротшильдов просто не могут пройти мимо такого торгового центра как Вена. Оттого их здесь в разы больше, чем коренного населения... Да и вообще – рассудите сами – где их нет? – потягивая пиво из высокого бокала, рассуждал Шикльгрубер. – Власть желтого дьявола так сильна во всем мире, что первейший их носитель – Израилев народ – расселился всюду, и при помощи его поработает народы, помыкает людьми, устанавливает свою власть, подчас не считающуюся с интересами большинства. Пусть даже национального большинства...

– Не могу об этом судить достоверно, но знаю, что, сколько бы наш нынешний царь ни бил представителей этой нации и не насаждал якобы российскую политику, исключаящую их влияние на политические и экономические процессы, а только все без толку. И во власти, и в народе их все больше и больше. Только вот они разные бывают – не все принадлежат к классу тех, кого яро осуждал Карл Маркс.

– А я вообще не о Марксе. Он мне и не нравится совсем. И его классовую теорию я считаю форменным заблуждением. Я о мировом порядке, который зиждется не только и не столько на классовой теории, как на космополитизме. Засилье евреев, имея под собой экономическую подоснову, в итоге приводит к тому, что нации и народы смешиваются под их влиянием и с их помощью и утрачивают национальную самобытность. И исправить ситуацию в настоящее время возможно только революционным путем. Массы не придут к пониманию того, что для них благо, никаким образом, кроме кровопролитного.

– Соглашусь с революционной теорией, но сразу должен вас разочаровать, – опустил глаза Иосиф. – Все не так просто, как кажется. Мало волеизъявления кучки людей на то, чтобы совершить революцию – как видно, нелюбимый вами Маркс все же прав в том, что экономика – основа всего.

– Хотите сказать – для революции нужны деньги? Абсурд.

– Как вы можете так категорично утверждать?! – дотопе казавшийся спокойным, грузин вскипел под напором речей немецкого художника. – Что вы знаете о революции? Спросите меня о революции! Я ради нее провел едва ли не полжизни в ссылках и тюрьмах, и сейчас скрываюсь здесь, вдали от родины, чтобы только не попасться на глаза к жандармскому начальству. А вы? Вы пишете картины, и о революции не имеете ни малейшего понятия.

– Зато я хорошо знаю мировую историю, и смело могу вам сказать, что революции и гражданские войны никогда не имели под собой финансовую основу. То ли дело войны междунациональные...

– Что же, по-вашему, нужно для успешного завершения начатого революционного дела? – усмехнувшись, спросил Коба.

– Национальная идентичность. Народ тогда захочет поменять мировой порядок, когда ему наступят на больную мозоль националистических чувств. Возьмем хотя бы французов – когда австрияки во главе с Марией-Антуанеттой отхватили престол, они не придумали ничего лучше, как взяться за оружие, отрубить головы ей и ее мужу и самим устроить идеальный мировой порядок в отдельно взятой стране!

– Вы считаете якобинство идеальным порядком? – вскинул брови Сосо. – Уж не погорячились ли вы?

– А вы посмотрите, что начало твориться дальше. Плоть от плоти якобинцев, Наполеон Бонапарт, сделал страну практически мировым гегемоном. Разве можно с таким успехом покорять другие страны, когда в твоей собственной нет порядка? Некогда взявший власть революционным путем народ Рима и Византии также показывал чудеса в плане мирового господства.

– То есть, насколько я понимаю, вы хотите сказать, что вслед за национальной революцией страна неуклонно становится поработителем других государств?

– Именно! – глаза Адольфа загорелись, маленькие усики щеточкой как будто заострились, он впал в раж. – Вот только все и всегда допускают в этом случае одну ошибку. Понимаете, когда во всем мире начинает главенствовать одна нация, неизбежен перегиб. Тогда все другие народы становятся поработены ей, и поневоле происходит то, с чего мы начали и что назвали началом всякой мировой революции. Подавленное чувство национального достоинства становится движущей силой новой революции, которая позволяет нациям, подавленным и поработенным, сбросить с себя это ярмо и взять власть в свои руки. Так кончили Рим и Византия, Франция и, если хотите, скоро кончит Великобритания. Замыкается мировой круговорот властных амбиций...

– И как же этого избежать? – слова голодного художника казались Кобе все более и более содержательными.

– Не допускать господства одной нации. Разделить его на две.

– Как это?

– Дуализм. В мире господствуют две нации, каждая из которых образует самостоятельный лагерь. У поработенных народов появляется выбор – к какому из них примкнуть? Недоволен выбором – изволь, смени курс на противоположный. На публику эти две нации будут враждовать, в действительности же между ними состоится нечто вроде общественного договора, при котором равное разделение мирового господства обеспечит им стабильность на долгие годы.

– И что же это должны быть за нации?

– Ну хотя бы русские и немцы. Сегодня они внутри своих же государств поражены в правах представителями мирового капитала – евреями, и потому имеют больше шансов на мировое господство. Договорившись, можно разделить его так, что интересы каждой стороны будут учтены с излишком. Не договорившись – обречь себя на провал. Так или иначе, мне кажется, что революциям предстоит свершиться именно в наших странах в самом обозримом будущем.

– Плохо отношусь к религии, но могу сказать, что вашим бы словам неплохо попасть Богу в уши. И все же, вы не ответили мне на один вопрос – если в России вершителем революции станет теория Маркса, то какая теория выполнит ту же задачу в Германии? Чья личность станет узловым в подготовке революционных событий у вас на родине? Кто выполнит эту задачу?

– Знаете, – глубокомысленно выдохнул философствующий художник, – мне кажется, что подчиняться чьим-либо идеям и воззрениям в данном случае глупо. И Маркс, и Ницше, и все остальные теоретики мироустройства жили давно и потому не понимали и не могли понимать тех правил, которыми сегодня руководствуется весь мир. И потому теории их, как бы хороши или плохи они не были, нуждаются в корректировке. Никто не против – возьмите их за основу, но уберите оттуда лишнее, что претит вам, и сами станьте автором идеологической основы будущего идеального общества. Необходимо замыкать подобные теории на той личности, которую люди будут видеть ежедневно перед глазами – и тогда она станет поистине самой великой и действенной и всех существующих!..

Мудрые слова молодого художника, как видно, дошли до бомбиста, даже с его узкими и незрелыми взглядами на революционный процесс, и произвели на него определенное воздействие. Казалось, еще чуть-чуть – должно было случиться нечто вроде высказывания какой-то

авторитетной личности, – и он станет адептом странствующего, приезжего из Браунау философа.

– Достаточно ли будет авторитета у нас с вами, чтобы стать у истоков подобной теории?

– Авторитет в политике – это на первых порах угодничество, а после – жестокость. Только ее понимают массы, как политические элитарные, так и простые. Запомните: чем популярнее действие, тем меньше авторитета большой личности оно придает.

Жестокость магическим образом действовала на Кобу. Сызмальства привыкший к ее проявлениям, он подчинялся только ей и обоснованно полагал, что и остальное население если не планеты, то его родной страны воспримет эту тактику при будущем насаждении его власти. Мечты постепенно застили умственный взгляд Кобы, и из состояния наплывающей эйфории его вывел глас Шикльгрубера.

– Должен сказать вам, что мы с вами не одиноки в наших убеждениях. Сейчас в Вене есть нечто вроде «кружка по средам», в котором много людей, разделяющих наши революционные убеждения с неординарных, подчас, точек зрения. Думаю, вам с ними будет интересно...

– Вы сказали, по средам? Ведь сегодня как раз среда!

– Вот и отлично. Тогда выпьем еще по кружке и отправимся в путь.

Вот так состоялась первая встреча двух будущих лидеров мировых сверхдержав – Сталина и Гитлера.

Глава вторая. Улица Бергассе

Зигмунд Фрейд и Карл Юнг знали друг друга давно – с того самого момента, когда более двадцати лет назад профессор психиатрии еврейского происхождения, родом из Вены соблазнил молодого швейцарца (да и не его одного) новым видением психоанализа. Термин этот был до него известен, но что он означает, никто не знал. Фрейд же, как ему тогда казалось, приоткрыл завесу тайны – и сразу произвел революцию в кругах психиатров. Одни называли внезапно произведенные им открытия шарлатанством – понятное дело, завидуя ему, ведь они-то за всю свою жизнь не додумались и до сотой доли того, до чего дошел Фрейд. Другие со скептическими лицами принимали его новую теорию на веру, но признавали, что научно ее подтвердить или опровергнуть они не могут. Третьи пустились в пляс от радости, забыли все, чему их учили в университетах, и стали слепыми адептами новой психиатрии. Все три категории этих людей забыли главную истину, которой должна руководствоваться наука – действительно состоятельные теории нуждаются в проверке временем. Невозможно в одночасье было признать силу открытий Ньютона и Галилея, находились их сторонники и противники, и даже законы физики не всегда им подчинялись – прежде, чем, спустя много лет время доказало, что по сути (за исключением некоторых своих частей) теории эти верны. Именно так: время сравнивает и дает нам возможность сравнить научные постулаты, примерить их к действительности, отсеять наиболее безжизненные из них и признать наиболее жизнеспособные – хотя на сто процентов не верен до конца ни один. Лицом к лицу лица не увидать.

Та же самая судьба ждала фрейдов психоанализ. Будучи непризнанным официальной наукой, он притягивал адептов и учеников как огонь мотыльков. Именно поэтому в 1908 году здесь, в доме Фрейда на улице Бергассе, образовалось то самое «общество по средам», о котором Гитлер говорил Сталину этим вечером. Поначалу туда входили только представители психиатрической науки. А в дальнейшем, поскольку теория была связана со столь сложным и всем интересным явлением как человек и его психика, число членов общества стало расширяться, в него стали входить деятели культуры, науки, и, как видим, даже политики – легальные или нет. Шли годы, и теория стала проходить ту самую проверку временем – на практике не все ее положения оказались идеально верными, как обещал ее создатель. В 1911 году кресло короля психиатрии впервые покачнулось под Фрейдом, ушли многие его последователи, в том числе Адлер. Но остался Юнг – тот самый молодой швейцарец, с коим Фрейд связывал будущее психоанализа и которого называл своим преемником.

К 1913 году, речь о котором идет в повествовании, и Юнг начал медленно, но верно отворачиваться от своего учителя. Нет, не потому что научно теория не везде подтверждалась – ту самую прописную истину о том, что хорошая теория как хорошее вино должна быть выдержанной Юнг знал как отче наш. А потому что Юнг начал смотреть дальше своего уже пожилого учителя. Разность во взглядах коснулась подходов Фрейда к сложнейшим проявлениям человеческого характера. Старик считал, что в основе всего лежит подавленное либидо и где-то он попал в самую точку. Невозможно отыскать на планете человека, чья сексуальная жизнь в полной мере отвечала бы его к ней требованиям. И, даже если у него в общении с противоположным полом все в порядке, наверняка у предков были проблемы в этом отношении. И они-то и передались ему на некоем сакральном уровне. А от них, от неразрешенных проблем сексуального характера, все и происходит – войны и революции, убийства и великие достижения.

Юнг же считал, что проблема эта носит куда более глубокий характер и только лишь сексуальными девиациями не объясняется. Собственно, этому и был посвящен их спор накануне заседания «общества по средам», куда его член Гитлер пригласил пока не знакомого остальным членам Сталина.

– Верно, – говорил Юнг, – верно сказано в Писании, что разума человеку отпущено ровно на его, человеческую, долю. Как говорится, богу – богово, а кесарю – кесарево. И оттого, если бы только наш разум определял те исторические процессы, что происходят в мире, мы бы еще существовали в виде обезьян и даже до уровня Галилея не докатились бы. Следовательно, есть внутренняя сила, о которой человек не знает или предпочитает не знать, но которая именно дает разуму вектор и направление движения, с тем, чтобы сделать его вершителем судеб миллионов. Ну, или, напротив, убийцей или биндюжником.

– Именно. И заключается она в подавленном сексуальном влечении. Что еще внутри человека так живо и всегда активно? Что способно, выражаясь иносказательно, свернуть горы? Что есть сама жизнь в человеке и источник зарождения новой жизни? Только инстинкт размножения. Не забывайте, дорогой Юнг, что мы по сути те же животные, только наделенные разумом. Вы верно заметили, что разума у нас не так уж много, как должно бы быть – а значит, двигателем нашего утлого сознания являются именно животные инстинкты. Сильнее названного мной нет ни одного...

– Как все это примитивно, профессор. Вы так легко объясняете такие сложные явления...

– Потому что психиатрия – это наука. Она обязана все объяснять и тем служить человечеству.

– Да, но наука о человеке! А человек есть существо сложное, в котором даже на животном уровне сочленяется великое множество тех же самых инстинктов, и многие из них нами еще в полной мере не изучены. Не забывайте, что только вчера Дарвин сделал свое революционное открытие. Нам предстоит еще много времени, чтобы до конца понять происхождение разума – производного от инстинктов, – а вы торопитесь и уже сегодня упрощенчеством пытаетесь объяснить все и вся, в то же время загоняя науку в шоры древнего миропонимания.

– Ерунда. Здесь и понимать нечего. Знаю, что вы не согласны с моей теорией, хотя психоанализ считаете едва ли не высшим достижением человечества – иначе я не взял бы вас в ученики и не называл бы надеждой современной психиатрии. Но все это ваше «индивидуально» и «коллективно-бессознательное», воля ваша, есть категории настолько абстрактные... Хотя они, в сущности, не противоречат моему учению о подавленном либидо.

– Нет, уверяю вас, они шире. Это совокупность ряда условий и факторов, в числе которых подавлено либидо, если и имеет значение, то не первостепенное. Пока еще не знаю точно, из чего оно состоит, но поверьте – не только половое влечение формирует ментальность человека. Обстоятельства жизни его и его предков, неразрывно связанные с политической, экономической и социальной картиной мира, плюс инстинкты, плюс особая память, передающаяся ему от предыдущих поколений – вот неполный перечень того, что формирует бессознательное. У большинства людей эти факторы откладываются внутри слабо – во многом потому, что потрясения, переживаемые им и его пращурами, не так сильны, как у других, которые в результате этих потрясений сами становятся сотрясателями общественного спокойствия.

Фрейд рассмеялся:

– Послушайте, вы же в первую очередь биолог. Каким образом память прадеда может передаваться правнуку? Это же смешно, если принять во внимание, что они никогда не видели друг друга!

– А половые проблемы? Они-то, по вашему мнению, как-то передаются?

– Это другое. Это проблемы физиологического характера, проблемы со здоровьем, влияющие на психику. А наследственные заболевания, как вам известно, к сожалению, уже широко распространены!

– Нет, вы слишком упрощаете коллега...

– Извольте, могу обосновать даже на вашем примере. Вы были последователем всех моих теорий ровно до того момента, как не появилась в вашей жизни эта жидовка, обычная психическая, возомнившая себя героиней Ломброзо и принявшая свое помешательство за гениаль-

ность. Вы просто-напросто влюбились в нее – что ж, явление обычное для молодого человека – и приняли на веру весь тот бред, который она вам поведала относительно моей теории и всех остальных научных догматов!

– Как вы можете так говорить?! Я не могу представить, чтобы вы пускались в такие субъективные оценки людей! Вы – светоч! Что она вам сделала, позвольте осведомиться?

Фрейд замолчал. Здешние сплетники давно судачили о том, что между Фрейдом и Юнгом существует гомосексуальная связь, и ответить сейчас на столь провокационный вопрос означало для профессора принять на веру эти абсурдные утверждения. Юнг понял, что перегнул палку, и продолжил:

– Уверяю вас, Сабина здесь абсолютно ни при чем. Ее лечение, проявленные ею симптомы, никак не связанные с сексуальностью, в том числе с подавленной – вот что дало мне почву подумать самому, и прийти к выводу о том, что не только сексуальные девиации людей крутят эту планету.

– И потому вы решили обратиться к оккультному знанию? Еще лучше, особенно учитывая ваше врачебное образование!

– Напрасно вы так. Вы ведь согласились с тем, что человек многого не знает.

– И что из того?

– То, что позволено Юпитеру, не позволено быку. С ранних лет образы и голоса умерших предков преследуют меня. Моя теория о бессознательном также не лишена отсылок к оккультному знанию – во-первых, опыт предков и цивилизаций говорит нам о том, что не учитывать это знание в отсутствие какого-либо другого просто глупо, а во-вторых... Впрочем, это неважно. Если наука пока не отыскала ответа на вопрос о знании научном, то позвольте мне поискать его в ненаучной области – с тем, чтобы в последующем найти ему научное объяснение.

– В чем вам и поможет ваша пациентка?!

– Как знать? Иногда ответ кроется там, где мы и не подозреваем о его наличии...

Фрейд говорил о Сабине Шпильрейн. Молодая пациентка Фрейда и Юнга, страдающая психическим расстройством, она вскоре стала музой последнего – их связали романтические чувства. Начав лечить ее методом психоанализа, Юнг внезапно для себя впервые обнаружил, что ее девиации не носят на себе отчетливого сексуального оттенка. И это, сделанное им, открытие настолько поразило его, что внезапно он задумался: не случилось ли так, что и предыдущие его пациенты вовсе не страдали от своего либидо, и ранее выставленные в соответствии с теорией Фрейда диагнозы были лишь его самообманом? Не случилось ли так, что он просто заставлял их и себя думать, что именно сексуальные проблемы лежат в основе их фобий и расстройств? Не привело ли сие к нарушению клятвы Гиппократова? Сабина помогала ему справиться с находящим по этому поводу меланхолическим настроением, также активно вгрызаясь в работу психиатра и прочитывая тонны литературы по этой теме. Парадокс: то, что обычно мешает нам в жизни и отвлекает от всего на свете (влюбленность), вдруг стало помогать Юнгу. Потому он достаточно быстро и категорично (как это свойственно молодости) определил ее в свои потенциальные супруги. Совпало это с его отдалением от Фрейда – потому и стали судачить, что Фрейд затаил обиду на ученика и возможного постельного партнера из ревности, в полном соответствии с собственной теорией. Слухи, ерунда. Хотя, нет дыма без огня...

Однако, на этом беседу им пришлось оборвать – стали собираться гости, члены «общества по средам». Через час все по традиции собрались за большим круглым столом, а Фрейд, предоставив Юнгу – как инициатору предстоящего сегодня эксперимента – председательствовать на собрании, демонстративно покинул его, выражая видимое несогласие с заключениями и опытами своего молодого коллеги.

– Видите ли, господа, все вы оказались здесь в этот вечер не случайно. Наше «общество по средам» изначально возникло пять лет назад и функционировало только как кружок пси-

хологов, по-разному относящихся к теориям многоуважаемого господина Фрейда. Шли годы, численность кружка расширялась, поскольку мы, его основатели, понимали, что психиатрия и психология должны служить людям. И не могут существовать в отрыве от идей, которые владеют умами. Потому вскоре писатели и политики, музыканты и художники, архитекторы и торговцы – сильные мира сего – стали входить в число его членов. Вы все, собравшиеся сегодня здесь, не исключение. Вы сильны, но сила ваша пока не заметна основному числу населения, что, впрочем, не умаляет ее значения. Многие из вас приехали в Вену, скрываясь от преследования властей, что означает, что правители всего мира опасаются вас. Опасаются того влияния, что вы можете оказать на их подданных, что само по себе уже является иллюстрацией вашей силы. Но вот откуда она взялась в вас, именно в вас, а не в других представителях человечества? – вот вопрос. Его мы и хотим выяснить сегодня, в ходе нашей интеллектуальной встречи.

– Позвольте, г-н Юнг, – обратился к лектору один из присутствующих. – Но что, кроме преследования властей, натолкнуло вас на мысль, что революционные умы, собравшиеся сегодня за этим столом, представляют реальную силу и почему, соответственно, именно они вызвали ваш живой интерес? В мире миллионы каторжников и беглых преступников, но мы не видим их сегодня в стенах этого прекрасного дома!

Юнг улыбнулся.

– Действительно, есть нечто большее, чем такой частный вектор, как преследование страшащихся за трон властолюбцев. И не заметить это может только слепой и глухой. Газеты ежедневно трубят о треволнениях в мире, о грядущих переменах, и многие из них налицо – уже и Британия не в силах совладать со своими колониями, и Сербия бурлит в потоке революционного сознания, и в России министров и членов царской семьи убито больше, чем когда-либо. В мире грядут перемены – и совершены они будут не каторжниками, а вами, теми, кто не просто жаждет крови народа или правителей, а имеет новый взгляд на мироустройство, и никакие репрессии в адрес которых не способны подорвать их ум и волю. Волю изменить жизнь человечества на 180 градусов; настолько, насколько обычный человек даже не может себе представить. Не все из вас рисуют в голове точный мысленный образ того, к чему стремятся – но каждый готов принять последствия самых решительных своих действий как должное, не отступая и не оступаясь, и потому именно вы удостоились чести быть гостями этого дома!

– Позвольте, – робко заговорил Коба, опуская глаза в стол. – Вы, верно, нас с кем-то перепутали. Я лично не ощущаю в себе никакой такой особенной силы и ума не приложу, откуда ей во мне взяться. Я член оппозиционной царским властям партии, это так, и я этого не скрываю. Но себя не считаю носителем какой-либо особой силы. Наш вождь Ленин – другое дело, но он в немецкой тюрьме, и я никак не могу заменить его ни в умственном, ни в духовном смысле. Да и каким образом? Мать моя была прачкой в дворянском имении, а отец простой сапожник без роду и племени. Откуда во мне сила перевернуть весь мир? Желание желанием, но его, как я понял из вашей речи, мало.

Снова лукавая улыбка профессора змеей сомнения вкралась в душу молодого грузина.

– Уверяю вас, молодой человек, вы не все о себе знаете. Или знаете и скрываете, а потому я не имею права озвучивать ваши тайны. Сила в вас есть, и вы об этом знаете, но правы в том, что рождается она бессознательно, без вашего участия, и потому практически не видима невооруженным глазом. Сами того не желая, вы открыли собравшимся суть нашей встречи. Мы с господином Фрейдом давно ведем разговор о том, каким именно образом зарождается она в душах людей. Каким именно образом и за счет чего один становится преступником и убийцей, а другой властелином мира, один – бакалейщиком, а другой – великим композитором? Многим из вас известно, что теория господина Фрейда объясняет все подавленным сексуальным влечением. Я же, в целом разделяя ее, все же корни такого разделения людей – куда более сложного, чем классовое, описанное вашим любимым Марксом – вижу в ином. Она бессознательна, как вы верно подметили. Не от сексуального влечения, которое, так или иначе, может

быть управляемо человеком, но от бессознательного, совершенно ему неподвластного, существующего в качестве альтер-эго. Так вот это бессознательное, коль скоро вы его не видите, остается такой же тайной за семью печатями и для науки – сколь ни пытайтесь его объяснить или подогнать события биографии человека под его проявления, выработать общий подход и общие тенденции практически невозможно. Однако, в ряде случаев не один человек, а общность людей становятся теми самыми вершителями мировой истории, о которых я говорил. Вот, например, вы, – он показал на Сталина, который был уверен в том, что Юнг ничего о нем не знает, поскольку видит в первый раз, однако, события говорили об обратном. – Вы являетесь приверженцем идей даже не Маркса, а Ленина, на которые оказывают влияние как сам Ленин, так и целый ряд идеологов подле него. Плеханов, Каменев, Кропоткин – все в той или иной мере приложили руку к формированию той идее, которой вы служите. Значит, в данном случае мы имеем не индивидуально-бессознательное, а коллективно-бессознательное...

– Как же! – усмехнулся Сталин. – Кропоткин вам и бессознательный! Еще какой сознательный!..

– С каких пор землевладельцы и промышленники начинают думать иначе, чем думает благодетельствовавшая их власть?! Что их к этому побуждает? Бессознательное! Сознательно им неплохо живется и при царе. Разве Кропоткин из низов? Разве он такой же каторжник и экспроприатор, как и вы? Ничуть. Но что заставило его изменить образ мыслей? Сочувствие к угнетаемым? Ничего подобного. Вы не хуже меня знаете, что Кропоткин анархист, и плевать ему как на угнетаемых, так и на угнетателей. Но ведь что-то заставило его так думать! И это что-то – настроение масс. Коллективно-бессознательное. Та же ваша революция 1905–1907 годов есть не что иное, как проявление коллективно-бессознательного!

Сталин снова не был мысленно до конца согласен с Юнгом, но произносимые им вещи казались ему стоящими – он понимал, что своим разумом этот врач воздействует на людей куда более тонко и действенно, чем самые велеречивые ораторы на митингах. Потому он предпочел замолчать и послушать – это качество, присущее ему с детства, впоследствии не раз сослужит ему отличную службу.

– Так вот, – продолжал Юнг, – коллективно-бессознательное, складываясь из множеств и мириад индивидуально-бессознательных компонентов, восполняет отелльные недостатки и пробелы индивидуально-бессознательного, рождая удивительную по масштабам силу. Иногда химики, не зная точных свойств вещества, прибегают к помощи так называемых катализаторов, которые ускоряют химическую реакцию и в то же время дают представления о свойствах веществ в их совокупности, позволяя определить свойства каждого из них. Так и мы сегодня осуществим нечто подобное. Каждый из вас бессознательно, будучи введенным в гипноз по методу профессора Фрейда, активизирует эту бессознательную силу, которая вступит в реакцию с другими похожими. Это позволит нам не только сделать крохотный шаг вперед в изучении коллективно-бессознательной силы, но и продемонстрирует – если повезет – свойства индивидуально-бессознательной силы каждого из вас.

– А нам зачем это надо? – слышался вполне резонный вопрос из-за стола.

– Вы заинтересованы в этом никак не меньше, а даже больше нас – ведь сегодня сила ваша приумножится и, кто знает, какой рывок в будущее человечества вы сделаете завтра, увлекая за собой массы?!

Слова профессора произвели впечатление на собравшихся. Фрейд смотрел за происходящим из-за занавески, не вступая в дискуссию. Они с Юнгом встретились взглядами – каждый из них понял, какую действительную цель преследует. И, если Юнг стремился, на примере этого опыта, явить Фрейду полное отсутствие каких бы то ни было сексуальных подтекстов в формировании облика этих в будущем нищанцев и сверх-людей, то Фрейд нашел для себя ответ на вопрос, зачем он все эти годы, в продолжение которых Юнг ершится и оспаривает постулаты психоанализа в его первоначальном виде, держит его подле себя. Он-то знал, что без

полового влечения мир станет и планета не будет вращаться вокруг своей оси – но мог ли примириться с тем, что пребывание Юнга возле него продиктовано им же? Потому не вышел он из-за занавески, что, наверное, боялся быть пойманным на плотоядном взгляде, коим пожирал молодого профессора, красивого, тактичного и убедительного, чьи слова сегодня заворожили даже столь требовательную аудиторию.

– Но как это произойдет? – спросил Коба.

– Вы заснете и во сне увидите то, что олицетворяет внутри вас эту самую силу, которая не поддается ни изучению, ни измерению. С помощью этого шара, – Юнг указал на стол, – мы сможем составить некое представление о ваших сновидениях с помощью древней оккультной методики, и на его основе постараемся – пусть ненаучно – сформулировать некие общие черты, объединяющие индивидуально-бессознательную силу в силу коллективно-бессознательную.

Слова об оккультной методике зачаровали молодого Гитлера. И, если до сегодняшнего вечера он был близок к принятию учения Фрейда, то после слов Юнга навсегда решил для себя – он прав. Он, а не Фрейд. Он, говорящий о запредельном знании, о недостижимом для человека и вполне достижимом для невидимых глазу магических сил.

Мысль его прервал жест Юнга, указывающего на стол. В центре его стоял большой стеклянный шар, внутри которого дымилась ладанка. Вскоре свет в помещении приглушили, и с той стороны стола, где стоял Юнг, появился Фрейд. В сумерках его фигура была едва различима. В руках он держал карманные часы, которые, подобно маятнику, отклонялись в разные стороны. Маленький фонарик откуда-то подсвечивал их движение и моргал, время от времени отвлекая на себя внимание смотрящих. Он стал произносить какие-то слова – обычная методика гипноза, но они уже были неважны для собравшихся. Речь Юнга и сама атмосфера, заставившая их поверить в собственные силы, уже способствовали тому, чтобы все они быстро и без особого напряжения погрузились в сон.

По требованию Юнга перед этим они сложили на стол перед собой свои руки – так, что пальцы их, сложенные воедино, ладонь к ладони, образовывали какой-то древний символ, похожий на фашину. Они не видели, но вскоре – спустя пару минут после погружения в сон последнего адепта – ладанка стала дымиться сильнее обычного, дым от нее стал подниматься высоко, к потолку, и через минуту заполнил уже все пространство маленького кабинета. Дым застил глаза ученых и заставил их прослезиться. Никто из них толком не понимал, чего именно они ждут – но сам факт того, что дыма стало вдруг так много, подтвердил для Юнга правильность сбора всех этих людей в одном месте. Они определенно являли собой источник некоей силы, которая и спрессовала воздух в помещении.

Так прошло пять минут. И, наконец, в воздухе под самым потолком, где концентрация дыма, сочащегося сквозь маленькую дырочку в шаре, достигла своего апогея, стал появляться отчетливый образ. Это была женщина. Невиданной красоты – волоокая брюнетка в кокетливой шляпе, со строгим и притягательным томным взглядом, она приковала к себе внимание ученых настолько, что Фрейд забыл о маятнике. Он остановил свое движение, фонарик погас, и постепенно присутствующие начали просыпаться. Они просыпались, а дама все не исчезала, и очертания ее становились все более отчетливыми даже для тех, кто в этот день не выпил ни грамма спиртного. Красота ее, ее белая кожа, правильные черты лица, надменный и спокойный взгляд не позволяли отвести от нее глаз. Уже все присутствующие видели ее отчетливо и ясно, и не было никакого сомнения в том, что образ этот вызван именно ими – а она все не исчезала, как будто, подобно светской красотке, наслаждаясь от созерцания влюбленных глаз.

Образ был недвижим, но и не мертв. Она моргала, однако не смотрела на собравшихся – как не смотрит в темноте зрительного зала со сцены актриса, прекрасная и упивающаяся своей красотой и тем умиротворением, что питает публика при виде ее. Казалось, еще мгновение и она снизойдет до них и станет плоть от плоти человеком, и сделает счастливым кого-то из

присутствующих, но... в эту минуту свет зажегся, и образ растворился, оставив после себя только дымку и погасив ладанку внутри магического стеклянного шара.

Мгновение все не могли прийти в себя – этим воспользовался Юнг, увлекая Фрейда в комнатку за занавеской.

– Вы видели?! Видели?! – восторженно вопрошал молодой ученый, держа учителя за лацкан пиджака. – Они и впрямь носители силы, и эта сила явилась нам только что!

– И она носит сексуальный характер, – надменно улыбнулся Фрейд. – Ведь все мы видели женщину. А за столом – одни мужчины.

– Но... но ведь это была Сабина!..

Глава третья. Церковь Карлскирхе

Сеанс порядочно вымотал и Фрейда, и Юнга, которые после его окончания еще длительное время отвечали на многочисленные вопросы посетителей, впечатленных их совместным экспериментом и не могли выпроводить восторженных гостей восвояси. Это лишило их возможности обсудить его итоги тем же вечером, однако, уже утром коллеги пустились в диспут по поводу увиденного и сделанного.

– Должен признаться, мой юный друг, – несколько панибратски заговорил Фрейд, прохаживаясь по кабинету взад-вперед, – что я явно поспешил с осуждением вашей методики, связанной с привлечением оккультных сил. Уж не знаю, кого именно вы вовлекли в эксперимент и вообще вовлекли ли кого-нибудь от потусторонних сил, но должен сказать: он удался. Во-первых, теория гипнотического воздействия на подсознательное в людях не лишняя раз подтвердилась. А во-вторых, вам удалось внушить им необходимость невиданного доселе высвобождения энергии, которая в осознанном виде могла бы никогда не покинуть их бранных тел.

– Иными словами, вы даете мне понять, что привлечение оккультных методик есть шарлатанство с моей стороны? – понимая нелестное высказывание старшего товарища, Юнг все же не огорчился; на сей раз ему было что противопоставить умудренному опыту психиатра.

– Не знаю. Знаю только, что убеждение – великая сила. Вы убедили их в том, что они являются носителями энергии и убедили в том, что именно сейчас в бессознательном состоянии самое время ее явить миру. А для достижения этой цели все средства хороши.

– Ваш скептицизм невозможно одолеть. И все же я не держу на вас зла – эксперимент, как вы верно подметили, удался.

– Не просто удался, а подтвердил мою теорию...

– Ну да, значение гипноза в наше время сложно умалить...

– Да нет же! Я говорю о подавленном либидо! Вы же видели, что за столом сидели одни мужчины, а образ, который энергия приняла на выходе, носил женское обличье. Это однозначно свидетельствует о том, что и их конкретными мыслями и действиями, и вообще движением тел на планете руководит исключительно половая составляющая духовного портрета каждого из нас.

Юнг буквально опешил:

– С чего вы это взяли?!

– Да что же, дорогой мой, слепы вы, что ли? Ведь это была женщина!

– Ну и что?

– Как это – что? Разве этой иллюстрации недостаточно, чтобы понять, что именно влечение к противоположному полу движет мужчинами, которые, как известно, являются носителями силы и вершителями прогресса?!

– Конечно нет.

– А как тогда объяснить все произошедшее?

– Очень просто. Видите ли, оккультное знание передалось мне по наследству. В моем роду не было ни психически, ни физически нездоровых людей, однако, многие мои предки мужского пола, и я в том числе, становились свидетелями появления призраков, обитавших в нашем швейцарском доме. Мой дед, которого я никогда не видел, часто общался со мной подобным образом, передавая мне некое сакральное знание, которое я не могу обосновать научно, но которое никогда не давало сбоев и ошибок. Он предсказал дату смерти моего отца, пожар в нашем имении, оградил меня от ряда ошибок, которые я мог бы совершить. Наконец, по его настоянию я примкнул к числу ваших учеников, хотя научная составляющая ваших теорий всегда оставляла желать лучшего – и вы это отлично знаете. Это к нашему давешнему разговору о том, каким именно – не физиологическим, а скорее метафизическим – образом

передаются знания на том уровне, который наука пока отследить не в силах. Конечно, вы сейчас назовете это абсурдом и бредом потому только, что эти слова мои вступают в противоречие с вашими теориями, но...

– И не подумаю. Только никак не пойму, причем тут женщина и ее внезапное появление в сугубо мужской компании?

– А женщина тут при том, что внутри каждого человека живет два «я»: «я» женское и «я» мужское. Как два полушария нашего мозга отвечают, соответственно, за логичное и интуитивное, так два вида знания, что живут внутри каждого человека, имеют свой облик. Очень часто мои предки мужского пола говорили со мной женскими голосами, когда речь шла о подсознательном, интуитивном, неконтролируемом и необъяснимом знании. Я и сам часто говорил сам с собой от женского лица, отчетливо слышал внутри себя этот женский голос. Он есть в каждом, уверяю вас, просто мы привыкли его в себе подавлять, вечно стремясь все объяснить, упростить, подогнать под логические умозаключения... Он проявляется не только на ментальном уровне, но и на физическом, и все больше людей замечают за собой это. Взять хотя бы ваших друзей социалистов – Антида Ото или Троцкого. Он ведь отрицает семью, отрицает мужское и женское начало и пропагандирует гомосексуализм, не так ли?

– Допустим, ну и что?

– Это означает, что ему надоело быть мужчиной. В нем заговорило женское начало, присущее каждому, но, как я уже сказал, в разной степени подавляемое каждым из нас. Оно в нем сильнее. Во мне слабее. В другом – равно с биологическим. Но присуще каждому! И то, что энергия высвободилась в женском обличье, потому вовсе не иллюстрирует ничье подавленное либидо. Просто энергия взяла и приняла вот такую форму, живущую – хотим мы того или нет – внутри каждого индивида пола мужского.

– И именно поэтому вы увидели в ней свою возлюбленную?

– А вы увидели кого-то другого?

– Конечно, – лукавил Фрейд, чьему взору также накануне явилась столь нелюбимая им Сабина Шпильрейн. – Ни намек на образ этой жидовки! Как и весь ваш эксперимент, его итоги для вас были не более, чем самовнушением. Внушая сомнительное знание другим, вы и сами поддались искушению. Хотя, сие случилось уже давно, – махнул рукой психиатр и вышел из кабинета в приемную, где его ожидал пациент. Это был тот самый Антид Ото – известный журналист из газеты «Правда», что издавалась в Вене в те дни, и под чьим фармакологическим псевдонимом скрывался беглый русский каторжник Лейба Бронштейн. Он давно уже посещал Фрейда, обучался у него психоанализу, параллельно свято веруя в то, что тот излечит его от пагубной страсти к мужчинам. Несчастный не мог подумать, что Фрейд избрал его единицей для опытов по изучению этого порока и в мыслях не имел никого ни от чего лечить. Однако, даже если бы он задумался об этом, то не прекратил бы своих визитов в дом на улице Бергассе – общество Фрейда было ему приятно, в том числе и по национальному признаку (оба были евреями), он тяготел к познанию азов психоанализа и вообще видел в старом психиатре, от которого пачками разбегались ученики, своего наставника, в котором так нуждался после недавнего идеологического разрыва с Лениным.

Как не знал об истинных мотивах его действий Лейба Бронштейн, так и Фрейд не знал о том, что полчаса назад, прежде, чем отправиться к нему, его визитер имел разговор со своим товарищем по квартире на улице Рингштрассе, Кобой, который еще вчера находился в этом доме в совершенно ином качестве. Разговор был примерно следующего содержания:

– Значит, женщина?

– Именно. Красоты необъяснимой. Сколько здесь живу, ни разу не наблюдал никого, похожего на нее. Такие черты лица, такие глаза... Была бы моя воля, знал бы я ее – непременно украл бы и женился, навсегда отказавшись от мирского.

– «От мирского» – значит, и от борьбы тоже? – провокационно насунив брови, уточнял Бронштейн.

– Все может быть, – задумчиво протянул Коба, как будто еще витая в облаке вчерашнего дыма, источаемого стеклянным шаром с ладанкой.

– Правильно ли я понимаю, что ты сейчас практически отказался от участия в революционной деятельности и прямо заявил об этом партийному идеологу? И ради чего – ради бабы?! Смог бы ты повторить то же самое перед Лениным?

– Мне отлично известны ваши отношения с Лениным. Ты потому здесь, вообразил себя непонятно, кем, что Ильич сейчас в немецкой тюрьме, а ты тут Ваньку валяешь, строишь из себя лидера своей «перманентной» революции... – уныло пробормотал Коба. – Не знаю, что бы я сказал Ильичу, а тебе сейчас сказал то, что сказал!

– Какая варварская глупость! Сейчас, когда движение находится в критическом состоянии, ты, ее движущая сила, берешь и на словах декларируешь измену! За такое в иные времена следовало бы спросить, и здорово спросить! А что касается революции, то Ильич тоже считает, что она должна быть перманентной. Знаешь, что это значит? Что мало изменить общественный и государственный строй в одной, отдельно взятой, стране. Надо перестроить себя и свое окружение радикально, стопроцентно, чтобы не осталось ничего от прежних пережитков, доставшихся нам от отцов и дедов и в плену которых многие из нас пребывают до сих пор. Ты – яркий тому пример. И Ильич, и я считаем, что семья в своем первоизданном виде давно себя изжила, как изжили себя отношения между мужчиной и женщиной. Революционер – двигатель прогресса – не может связывать себя оковами сексуального рабства в отношении одной женщины, двух женщин, трех женщин. И вообще оковами сексуального рабства, в принципе! Он должен освободиться от этих ложных идеалов!

– Ха! – усмехнулся Сосо. – Как это? Мужчина без женщины не может существовать, это биологический факт. Ты женат на двух женщинах одновременно, у Ильича есть Крупская. А мне почему нельзя?!

Бронштейн вскипел:

– А разве эти женщины возле нас? Разве мои Александра или Наталья рядом со мной, а Крупская в той же камере, что и Ленин?! Если бы они были рядом, то своим бабьим ворчанием начисто отвлекли бы нас от революционной деятельности, но их по счастью, с нами нет!

– Что же в этом хорошего? Как же нам обойти биологическую потребность, и, главное, зачем? Некоторое время спустя без женщин мы начнем сходиться с ума, и тогда уж точно будет не до революции. Так к чему истязать себя в отчаянных попытках преодолеть законы природы?!

– По тебе видно, что ты уже еле-еле без них обходишься, – зло бросил Лейба. – Настолько стал зависим, что даже какая-то эфемерная, не плотская, едва ощутимая баба, образ, призрак, кружит тебе голову! А я вот как-то обхожусь...

– И как, позволь осведомиться? – усмехнулся горячий грузин.

– Вот ты вчера был на сеансе у Юнга, который затуманивает вам голову разными оккультными практиками и прочей ерундой. А лучше бы посетил живущего в то же доме Фрейда, который бы научил тебя преодолевать весьма сомнительные постулаты дарвинизма. Он, как никто другой, знает, какое влияние оказывает на нас наше либидо и умело перенаправляет его в нужное русло. Понятно, что без выброса сексуальной энергии человечество погибнет. Но отношения с женщинами в том матримониальном плане, в котором они существовали почти две тысячи лет, изжили себя. Почитай любого большевика – включая Ильича – на эту тему. Значит, надо искать что-то новое...

– Никак не пойму, к чему ты клонишь? Что новое? Что тут может быть нового?

– Ты когда-нибудь вдумывался в значение выражения «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»?

– Это наш марксистский лозунг. Только ума не приложу, во что именно следует вдуматься? Пролетарии, угнетаемый класс, должны собраться воедино, чтобы одним массивным ударом разгромить угнетающий класс...

– Все это верно, но вслушайся в глубинный смысл слов. Пролетарии, а не пролетарки всех стран соединяйтесь. Понимаешь? Мы, мужчины, есть двигатель прогресса, и ты с этим не поспоришь!

– Уж не хочешь ли ты сказать, что и в половом отношении нам следует исключить женщин из нашей жизни?

– Именно так. Так считаю и я, и многие другие большевики, и доктор Фрейд, который отчетливо осознает вред, наносимый нам женщинами. Стоит только женщине появиться подле нас, как уже все мысли сосредоточены вокруг нее и ее низменных потребностей – и вот уже потребности наши становятся куда более низменными, чем прежде. Вот уже мы не видим истинную цель, а вождееем фемину, освободив для нее все мысленное пространство, прежде занятое благими идеями и побуждениями. И куда как иной становится ситуация, когда помыслы наши развиваются в том же благом русле, а помогает справиться с природными инстинктами наш товарищ, стоящий на уровне наших идей и разделяющий все наши точки зрения по основным вопросам мироздания. Вот это и есть пресловутое пролетарское единство, которое не способны разрушить ложные общественные институты и которое носит перманентный характер. Единство и в работе, и в штыхах, и в отдыхе. Единство в его абсолютном, первозданном виде!..

Джугашвили слушал товарища, открыв рот. Когда тот закончил свою пламенную тираду, он вскочил из-за стола и набросился на оппонента едва ли не с кулаками.

– Ты вообще соображаешь, что ты говоришь? Ты не только извращаешь теорию Маркса, но и извращаешь саму суть человеческого бытия! Это бред! Мы задуманы природой как вразумленные животные, и инстинкт размножения нам присущ априори. А ты пытаешься его отодвинуть даже не на второе, а на тридцатое место, лишив нас возможности создавать себе подобных и тем самым истребив пролетарский класс в зародыше накорню! Как ты можешь так рассуждать?! Гомосексуализм есть свойство зажавшихся угнетателей, подыхающих от скуки в то время, как пролетарии умирают от голода!

Через тонкую стенку от комнаты, в которой происходил столь эмоциональный разговор, жили весьма любопытные мещане – господа Клаусс, хозяева арендуемой ими квартиры. Бронштейн знал, что они то и дело подслушивали их разговоры, стремясь накопать на них компромат, сдав полиции и обогатившись или прославившись за счет этого, но всякий раз речи коммунистов маскировались под такую вуаль, сквозь которую эти темные и необразованные люди, отродясь не читавшие ничего, кроме Святого Писания, видеть и понимать ничего не могли. Знал он, что и теперь герр и фрау Клаусс являются непрошенными слушателями их беседы, которая отдавала явной бесовщиной и попранием столь чтимых ими псевдоморальных норм, и потому стремился прервать речь Кобы, жестами указывая ему на необходимость хотя бы говорить тише. Тот же был неумолим.

– Теперь я окончательно убедился в том, что этот ваш фрейдизм не более, чем средство борьбы империализма с пролетариатом. Не могут одолеть физически, осознают неизбежность скорых перемен, – вторил он вчерашним словам Юнга, – так решили разложить изнутри. Кто он, этот твой Фрейд? Еврей. Представитель капитала и смуты. Нет уж. Помяни мои слова – как только приду к власти в России, навсегда запрещу его и его лживые теории! Под угрозой расстрела!

Громко хлопнув дверью, Коба вышел из квартиры и бодрым шагом зашагал по Рингштрассе. Господа Клаусс видели его из окна своего жилища, и, убедившись в том, что горец покинул свою временную обитель, громко расхохотались последним его словам, очевидно не поверив в их состоятельность. Громкий смех слышал и Лейба – после чего у него сразу

отлегло от сердца; это означало, что они не восприняли их беседу всерьез, хоть и слышали ее досконально. Со спокойной душой Бронштейн отправился к Фрейду, а Коба все так же брел по Рингштрассе, пока не уперся в церковь Карлскирхе.

Великолепное произведение барокко XVIII века, построенная в качестве благодарности короля Карла за отступившую от столицы чуму, со множеством колонн и роскошных витражей, церковь была одной из главных достопримечательностей прекрасного древнего города. Атеист Коба любил гулять мимо нее – старинные пейзажи успокаивали и наводили на приятные мечты и размышления о будущей власти и потому притягивали его внимание. Здесь же он по чистой случайности встретил Шикльгрубера – он выполнял очередной заказ на открытки и рисовал пейзажи старинного собора, спрятавшись в тени пальм, привезенных Францем Фердинандом из пресловутого мирового турне, что были теперь высажены вблизи церкви.

– Как я рад видеть тебя! – произнес Адольф, отходя от мольберта и протирая запачканные краской руки.

– Признаться, я тоже. Никак не ожидал...

– И как тебе вчерашний сеанс? Не пожалел о том, что принял мое приглашение?

– Ни на минуту. Этот Юнг поистине удивительный человек, и я убежден, что именно за его, а никак не за фрейдскими теориями – будущее!

– Совершенно верно. Ведь он не зря сказал, что в каждом из нас заложена сверхсила, способная сдвинуть мир с места. Не знаю, как ты, а я в себе ее ощущаю, и довольно отчетливо. И даже понимаю, откуда она у меня – мать говорила, что наш род ведет свое исчисление от Генриха Птицелова, величайшего властелина средних веков. Правда, отец умер, но ведь не перестал же он от этого быть моим отцом!

– Выходит, твоя фамилия на Шикльгрубер?

– Нет, моя фамилия по паспорту Гитлер. Шикльгрубер – это как раз мой отчим, человек без роду и племени. А ты?

– А что я...

– Вчера Юнг сказал, что ты не все знаешь или не все говоришь о своем происхождении. Я это отчетливо запомнил...

Коба взгляделся в лицо своего собеседника – молодой художник все больше нравился ему, как нравились ему люди умные и прозорливые.

– Что ж, раз такое дело, то откровенность за откровенность. В моем происхождении тоже есть белые пятна, которые я предпочитаю скрывать до поры до времени.

– Зачем?

– Понимаешь, теория, которой я придерживаюсь, не жалует родовитых людей. Для нее удобнее и выгоднее быть простолюдином, и потому моя биография сына прачки и пьяницы – сапожника как нельзя более соответствует моим политическим устремлениям. Тебе, так уж и быть, скажу. За все время моего пребывания в Вене не было у меня более близкого по духу человека... Слышал что-нибудь о графе Дракуле?

– Легендарный властитель Валахии, который знаменит своими зверствами и даже вампиризмом?!

– Он самый. Но не он один стоит во главе моего генеалогического древа.

– Да?! А кто еще? Ведь, насколько я помню, род Цепешей пресекался с казнью Влада?

– Не совсем. Он продолжился, слившись с другим известным царственным в Европе родом Рюриковичей, среди которых были не менее знаменитые и определяющие историю личности!

– Иван Грозный?! – округлил глаза Гитлер.

– Верно. Но обо всем по порядку...

Доктор Сигурд Йоханссон. О событиях в Вене в 1913 году и действительном происхождении Сталина

Предвкушаю, дорогие друзья, ваше любопытство по поводу интереснейшего и щепетильного момента, на котором вас оставили авторы, доверив мне ответить на вопросы, которые вас уж снедают. И все же позволю себе немного злоупотребить вашим временем, начав отвечать на них по порядку.

Какой поистине удивительный и увлекательный букет событий происходил в Вене в 1913 году! Начнем с того, что все представленные в качестве героев в книге лица действительно пребывали в этом удивительном городе в это время – Гитлер и Сталин, Фрейд и Юнг, Троцкий и Франц Фердинанд, с чьей смерти началась Первая мировая война. Образ этот еще не раз встретится читателю, и потому имеет смысл сразу обратить его внимание как на него самого, так и на причины, способствовавшие началу Великой войны – ведь недаром авторы аккуратно подводят именно к этому, не говоря при этом ни слова лжи.

Франц Фердинанд был старшим сыном эрцгерцога Карла Людвига (1833–1896) – брата императора Франца Иосифа и Марии Аннунциаты (1843–1871), принцессы Обеих Сицилий.² В 1875 году он наследовал значительное состояние и имя д'Эсте от представителя боковой ветви Габсбургов Франческо V, герцога Моденского, а в 1896 году, после смерти отца, стал наследником австро-венгерского престола. Однако фактически к престолу Франца Фердинанда стали готовить раньше, после самоубийства кронпринца Рудольфа, единственного сына Франца Иосифа, в 1889 году. Запомните эту прелюбопытнейшую личность, речь о ней пойдет в повествовании еще не раз.

Как совершенно справедливо указывают авторы, в 1893 году Франц Фердинанд совершил большое путешествие вокруг света, посетив на крейсере «Кайзерин Элизабет» Австралию, Новую Зеландию, Новые Гебриды, Соломоновы острова, Новую Гвинею, Саравак, Таиланд, Японию. Из Иокагамы он проследовал в Ванкувер на пароходе «Empress of China», и через Канаду вернулся в Европу. В 1895–1896 годах он издал в Вене описание кругосветного путешествия «Tagebuch meiner Reise um die Erde».³

Также авторы верно подмечают, что он никогда не жил во дворце Хофбург, занимаемом его дядькой – главой государства, Францем-Иосифом I, и не общался с его свитой. Франц Фердинанд образовал собственную «канцелярию» в своей венской резиденции – Бельведерском дворце, где собрал вокруг себя советников: графа Чернина, фельдмаршала Конрада фон Гетцендорфа и других.

Обращают Швальнеры внимание и на одобренный некогда рейхсратом морганатический брак будущего наследника престола. В 1900 году Франц Фердинанд действительно женился морганатическим браком на чешской графине Софии Хотек (1868–1914), с которой познакомился на балу в Пражском Граде. Выйдя замуж, она получила титул княгини Гогенберг. Перед бракосочетанием, совершенным с согласия императора, Франц Фердинанд должен был торжественно отречься за своих будущих детей от прав на престолонаследие. Сообщение об этом и соответствующий законопроект были приняты в австрийском рейхсрате. Премьер-министр Кальман Селль по просьбе решившего оказать честь племяннику императора отстаивал проект, и он был принят лишь после бурных дебатов.

² Франц Фердинанд // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохоров – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

³ Немецкая национальная библиотека, Берлинская государственная библиотека, Баварская государственная библиотека и др. Record #118535005 // Общий нормативный контроль (GND) – 2012–2016.

У Франца Фердинанда и Софии была одна дочь – София и два сына – Максимилиан и Эрнст. Они носили фамилию Эсте и титул князей Гогенбергов. В 1938 году Максимилиан и Эрнст Гогенберги, как родственники Австрийского дома и противники аншлюсса Австрии, были посажены по приказу Гитлера в концлагерь Дахау. Максимилиан был освобождён через 6 месяцев, а Эрнст переведён в другой лагерь и освобожден в 1943 году. Они оба пережили войну, и ныне существуют их потомки.

Правы авторы и в том, что, вопреки воле императора, он необычайно сблизился с Николаем Вторым, бывшим в то время уже Императором Всероссийским. В феврале 1902 года отправился в Санкт-Петербург с официальным визитом, чтобы поблагодарить Николая II, пожаловавшего ему звание генерала Императорской русской кавалерии.⁴

Но в действительности одной из причин к развязыванию войны послужила не его близость к Николаю, а стремление лишить независимости ряд государств, включая Сербию, что он в общем-то особо не скрывал. Франц Фердинанд в политике был жёстким реалистом: около 1906 года он составил план преобразования Австро-Венгрии. По этому плану империя превращалась в Соединенные Штаты Великой Австрии – триединое государство (или Австро-Венгро-Славию), образовывались 12 национальных автономий для каждой крупной народности, проживавшей в империи (не считая 3 немецких образований, а также преимущественно немецких этнических анклавов в Трансильвании, Банате и крупных городах типа Праги, Будапешта и Львова): чешская Богемия, Словацкие земли, польская Западная Галиция, русинско-украинская Восточная Галиция, Венгрия, Секейские земли, Трансильвания, итальянский Тренто, итальянский Триест, словенская Крайна, Хорватия и сербская Воеводина. Франц Фердинанд, хоть и тяготел к Николаю, не любил русских и ещё больше сербов, и в этом его плане как нельзя лучше проявилось желание лишить их самого дорогого – независимости, с таким трудом и такими жертвами доставшейся многострадальным сербам!..

Что ж, Бог ему судья, а следующим персонажем, которого мы видим на авансцене, является Гитлер. Этот человек, действительно мнивший себя потомком Генриха Птицелова, тоже проживал в Вене в 1913 году. Тогда же он совершил там одну прелюбопытную для себя находку, или открытие – как будет угодно, – но об этом позже. Пока же мы видим перед собой лишь не вполне удачливого, хоть и талантливого, художника, приехавшего в столицу Австро-Венгрии со вполне понятной целью личного обогащения.

Его связь с Веной уходит корнями в дату смерти его матери – 21 декабря 1907 года Клара Гитлер умерла, 23 декабря Адольф похоронил её рядом с отцом. В феврале 1908 года после урегулирования дел, связанных с наследством и оформления пенсий себе и сестре Пауле как сиротам, Гитлер уехал в Вену.⁵

С тем же периодом связано начало его ненависти к евреям, которой он не скрывает в общении со Сталиным. Так, друг юности Кубицек и другие сотоварищи Гитлера свидетельствуют, что он постоянно бывал на ножах со всеми и испытывал ненависть ко всему, что его окружало. Поэтому его биограф Иоахим Фест допускает, что антисемитизм Гитлера явился сфокусированной формой ненависти, бушевавшей до того впотьмах и нашедшей, наконец, свой объект в еврее.

В сентябре 1908 года Гитлер сделал повторную попытку поступить в Венскую художественную академию, но провалился уже в первом туре. После провала Гитлер несколько раз менял место жительства, не сообщая никому новых адресов. Уклонялся от службы в австрийской армии. Он не хотел служить в одной армии с чехами и евреями, воевать «за габсбургское

⁴ Вулманс С. Первая мировая. Убийство, развязавшее войну. – М., 2014. – С. 136–137.

⁵ Фест И. Адольф Гитлер. В 3 томах. – Том 1 / Перевод А. А. Фёдоров. – Пермь: Алетей, 1993. – Глава V. – С. 87. – ISBN 5-87964-006-X, ISBN 5-87964-005-1; Том 2 / Перевод А. А. Фёдоров, Н. С. Летнева, А. М. Андронов. – Пермь: Алетей, 1993. – ISBN 5-87964-007-8, ISBN 5-87964-005-1; Том 3 / Перевод А. М. Андронов, А. А. Фёдоров. – Пермь: Алетей, 1993. – ISBN 5-87964-005-1, ISBN 5-87964-008-6 /// Fest, J. Hitler. Eine Biografie. – Berlin: Propyläen, 1973.

государство», но в то же время был готов умереть за германский рейх.⁶ Устроился на работу как «академический художник», а с 1909 года и как писатель.

В 1909 году Гитлер познакомился с Рейнгольдом Ганишем, который начал успешно продавать его картины. До середины 1910 года Гитлер рисовал в Вене очень много картин малого формата. Как верно указывают братья Швальнеры, в основном это были копии с почтовых открыток и старых гравюр, изображающие всевозможные исторические здания Вены. Помимо этого он рисовал всевозможные рекламные объявления. В августе 1910 года Гитлер заявил в полицейский комиссариат Вены, что Ганиш утаил от него часть выручки и украл одну картину. Ганиша на семь дней отправили в тюрьму. С этого времени Гитлер сам продавал свои картины.

В этот период Гитлер начал усиленно заниматься самообразованием. Впоследствии он свободно мог общаться и читать литературу и газеты в оригинале по-французски и по-английски. Во время войны любил смотреть французские и английские фильмы без перевода. Очень хорошо разбирался в вооружении армий мира, истории и т. д. В это же время у него проявился интерес к политике, и, как видим, к теориям Юнга, касающимся не только психоанализа, но и оккультных воззрений ученого.

А оккультизм был буквально «любимым коньком» Юнга. Ряд исследователей отмечает, что представления современного оккультизма прямо соотносятся с аналитической психологией Юнга и его концепцией «коллективного бессознательного», которую привлекают адепты оккультизма и деятели нетрадиционной медицины в стремлении научно обосновать свои взгляды.⁷

Отмечается, что многие направления оккультизма сегодня развиваются в русле основных идей Юнга, которые адаптируются к научным представлениям современности. Юнг ввел в культурный обиход огромный пласт архаической мысли – магического и гностического наследия, алхимических текстов средневековья и др. Он «возвел оккультизм на интеллектуальный пьедестал», придав ему статус престижного знания. Это, безусловно, не является случайностью, поскольку Юнг был мистиком, и по мнению исследователей, именно в этом следует искать подлинные истоки его учения. Карл Юнг с детства находился в обстановке «соприкосновения с другими мирами». Его окружала соответствующая атмосфера дома Прейсверков – родителей его матери Эмилии, где практиковалось общение с духами умерших. Мать Юнга Эмилия, дед Самуил, бабка Аугуста, кузина Хелен Прейсверк практиковали спиритизм и считались «ясновидящими» и «духовидцами». Спиритические сеансы устраивал и сам Юнг. Даже его дочь Агата впоследствии стала медиумом.

В воспоминаниях Юнга мы узнаем, что мёртвые приходят к нему, звонят в колокольчик и их присутствие ощущает вся его семья. Вот он задает «крылатому Филимону» (своему «духовному руководителю») вопросы своим собственным голосом, а отвечает фальцетом своего женского существа – анимы, вот в его дом стучат мёртвые крестоносцы... Неслучайно психотерапевтическая техника «активного воображения» Юнга разрабатывала принципы общения с мистическим миром и включала моменты вхождения в транс.

Между тем, не только оккультизм Юнга передался Гитлеру во время их общения в Вене в 1913 году. Юнг был буквально заражен манией Тибета и всего, связанного с ним, в том числе древних рун. Она, как болезнь, передалась и будущему фюреру Третьего рейха.

Гитлер перед приходом к власти часто общался с одним тибетским ламой, жившим в Берлине. Ламу называли «человеком в зеленых перчатках», а посвященные называли его «держателем ключей от королевства Агарты». Агарты по-немецки звучит как Асгард – легендар-

⁶ Вернер Мазер. Адольф Гитлер. Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 608 с. – (След в истории). – ISBN 5-222-004595-X

⁷ Фесенкова Л. В. Теория эволюции и её отражение в культуре – М.: ИФ РАН, 2003. – 174 с. – ISBN 5-201-02118-2 Гл. 2. Проблемы научного обоснования эзотеризма (юнгианство и современная эзотерика)

ная страна северных богов-асов. С загадочным королевством Агарты связана мощная духовная организация «Общество Туле», членом которого был и Гитлер.⁸

Ее основатели ученые Эккарт и Хаусхофер утверждали, что 30–40 веков назад в районе пустыни Гоби процветала высокая цивилизация. Во время глобальной катастрофы погибли не все ее представители. Оставшиеся ушли в гималайские пещеры и разделились на две части. Одни назвали свой центр Агарты (центр добра), предались созерцанию и не вмешиваются в земные дела. По легендам, жители Агарты до сих пор пребывают в пещерах. Вторые основали страну Шамбалу (центр могущества и насилия, управляющий миром), которая является хранилищем неведомых сил, доступным лишь посвященным. Часть гобийцев якобы перекочевала на север Европы и Кавказ и является предками арийской расы. Поэтому только арийская раса могла бы заключить союз с Агарты и Шамбалой и овладеть секретами управления тонкой энергией, позволяющими научиться, к примеру, взглядом ворожить многотонные каменные глыбы.⁹

Из всех этих идей Гитлер сформулировал теорию «магического социализма», по которой люди каждые 700 лет поднимаются на новую ступень развития. Предвестником трансформации рас служит появление магов-гигантов. Истинной расой, призванной познать следующий цикл, Гитлер считал арийцев. Их удел – эпопея под предводительством «высших неизвестных». Другие же люди, по мнению фюрера, только внешне похожи на человека, но отстают от арийцев дальше, чем животные. Поэтому истребление евреев, цыган и т. д. он не считал преступлением против человечества. По приказу Гитлера был организован специальный институт «Аненербе», который организовывал экспедиции на Тибет в поисках легендарных стран. Увы, несколько снаряженных экспедиций потерпели в Тибете фиаско.

Об этой организации надо сказать особо. В замке Вевельсбурга Гиммлер намеревался устроить центр нацистской «новой религии», которая создавалась идеологами СС как соединение язычества древних германцев и «истинного», ещё «не отравленного евреями» христианства и оккультизма прошлого века. «Зал Грааля» замка находился под огромным куполом, он имел 48 окон и предназначался для религиозных медитаций рейхсфюрера и людей, приближённых к власти.

С первых дней существования организации археологи, этнографы, филологи, историки снимали для СС пропагандистские фильмы, писали учебно-воспитательные программы. В обязательном порядке каждому члену СС преподавали эпос «Эдда» и обучали чтению рун.

В стенах «Аненербе» часто поднимался вопрос об Атлантиде, и им интересовался Гиммлер. Именно в этом институте было придумано название острову Гельголанд: «das heilige Land» – «святая земля». Идеологи национал-социализма стремились придать германским «началам» независимый окрас, что позволяло бы нацистам ощущать свою исключительность, ничем не обязанную Аврааму. После войны нацистские идеи были подхвачены пастором Юргеном Спанутом, который отождествлял Атлантиду с Хельголандом.¹⁰

Сотрудники организации «Наследие предков» читали лекции бойцам зондеркоманд и охране концлагерей, для «научного» обоснования тотального уничтожения врагов Тысячелетнего рейха. Один из лучших в мире специалистов по культурам готов и викингов, доктор Герберт Янкун, доказывал, что древние германцы безжалостно топили в болотах предателей и вероотступников, причём вместе с их семьями. После того, как немецкая армия завоевала Крым в июле 1942 года, Гиммлер посылает доктора Янкуна, а также Карла Керстена и барона фон Зефельда, в регион на поиск остатков материальной культуры готского королевства (кото-

⁸ Kurlander, Eric Hitler's Monsters: The Occult Roots of Nazism and the Emergence of the Nazi 'Supernatural Imaginary' (англ.) // German History. – 2012. – No. 30.4. – P. 528–549.

⁹ Holger H. Herwig. The Demon of Geopolitics: How Karl Haushofer "Educated" Hitler and Hess. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. – ISBN 978-1442261136.

¹⁰ Атлантида и нации // Пьер Видаль-Накэ. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. – М.: Ладомир, 2001. – С. 389.

рые так и не были найдены). В дальнейшем Крым должен был быть полностью расселён («никаких иностранцев») и колонизирован только одними немцами, став территорией рейха. Будущая крымская колония была названа Gotengau (готский округ), в честь готов, которые, как полагал Янкун были предками немецких «арийцев».¹¹ Особенное внимание доктор Янкун уделял разграблению крымского музея. Чуть позже он попросил зачислить себя офицером разведки в дивизию СС «Викинг», где он раньше проводил «культурно-политическое воспитание».

Любопытно в этой связи магическое значение Крыма – думается, что именно отсюда страсть любой дьявольской власти к завладению этими плодородными землями.

По оценкам Гиммлера, «ариизация» региона должна была происходить постепенно в течение 20 лет; сначала предполагалось депортировать местное население, затем перераспределить территории для поселения «арийской расы». Дополнительно к «исключению» славян и «низших» рас предполагалось высадить дубовые и буковые деревья, чтобы копировать традиционные немецкие леса, а также высадить новые посеы, которые были привезены из другой прародины «арийцев» – Тибета. Гиммлер приказывает создать новое учреждение в структуре «Наследия предков», его возглавляет Шефер. Затем была создана биологическая станция вблизи австрийского города Грац, где Шефер приступает к работе с семью другими учёными, чтобы разрабатывать новые посеы для «Тысячелетнего рейха».

Руны, являющиеся неотъемлемой частью идеологии Аненербе, также занимали в жизни НСДАП значительное место – идеологи партии верили в их магическую, сверхъестественную силу, а потому символика рун стала главной символикой Третьего рейха. Почему? Потому что их символизм привило Гитлеру еще Общество Туле. Внимание:

«... Великие боги – Один, Ве и Вилли вырезали мужчину из ясеня, а женщину из ивы. Старший из детей Бора, Один, вдохнул в людей душу и дал жизнь. Чтобы одарить их новыми знаниями, Один отправился в Асгард, Страну Зла, к Мировому Древу. Там он вырвал глаз и принес его в жертву, но этого показалось мало Стражам Древа. Тогда он отдал свою жизнь – решил умереть, чтобы воскреснуть. Девять дней он висел на суку пронзенный копьем. Каждая из восьми ночей Посвящения открывала ему новые тайны бытия. На девятое утро Один увидел под собой начертанные на камне руны-буквы. Отец его матери, великан Бельторн, научил его вырезать и окрашивать руны, и Мировое Древо стало называться с тех пор – Иггдрасиль...»

Так рассказывает об обретении рун древними германцами «Снорриева Эдда» (1222–1225), возможно, единственный полный обзор героического эпоса древних германцев, основанный на сказаниях, прорицаниях, заклинаниях, изречениях, культовых и религиозных обрядах германских племен. В «Эдде» Один почитался как бог войны и покровитель умерших героев Валгаллы. Он считался магом и некромантом. Именно из этого труда и проистекает слово Асгард, как мы ранее упомянули, часто используемое членами Общества Туле. А, коль скоро, страна Асгард напрямую связана с обретением рун, то их изучение должно было стать (и стало) для Гитлера одним из важнейших направлений образовательной политики.

Руны и рунические письма представляют собой знаки древнейшего германского алфавита, высечавшиеся на камне, металле и кости, и получившие распространение преимущественно в Северной Европе. Каждая руна имела имя и магическое значение, выходявшие за сугубо лингвистические рамки. Начертание и состав менялся в течение времени и приобрели магическое значение в тевтонской астрологии.

Вполне естественно, что Генрих Гиммлер, с юных лет проявлявший повышенный интерес к духовному миру «нордических предков» и, так же, как и Гитлер, искренне считавший себя реинкаркацией основателя Первого Рейха Генриха Птицелова, избранного в 919 году королём всех германцев, не мог пройти мимо «арийского наследия», идеально вписывающегося в его мировоззрение. По замыслу рейхсфюрера СС, рунам предстояло сыграть особую роль в

¹¹ Shirer A. The Rise and Fall of the Third Reich, 1959. Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/research/shirer/10.html>

символике СС: по его личной инициативе в рамках программы «Аненербе» – «Общества по изучению и распространению культурного наследия предков» – был учрежден Институт рунического письма.

До 1939 года все члены аппарата СС изучали значения рун в рамках курса общей подготовки. До 1945 года в СС активно использовались 14 рун, однако уже в 1940 году обязательное изучение рун отменили, что придало рунам ещё больше таинственности.

А в основе всего, как мы видим, – абсолютно беспочвенное мнение Гитлера о происхождении от Генриха Птицелова. И, если в случае с Гитлером, оно и впрямь было абсурдным, то мнение Сталина о его происхождении от Дракулы и Ивана Грозного не лишено было оснований.

В своей книге «Иосиф Рюрикович-Дракула: рассекреченная родословная генералиссимуса»¹² я привожу целый ряд признаков, подтверждающих теорию о родстве Сталина, Ивана Грозного и Влада Дракулы. Практически вся книга посвящена проведению тех самых «исторических параллелей», об опасности которых любил говорить Иосиф Виссарионович. Сюда входят и привычки, и фенотипические, и генотипические черты трех правителей. Но центральным, без сомнения, является установление фактической прямой линии, соединяющей их в историческом пространстве. О ней и расскажет Гитлеру Сталин теплым весенним днем 1913 года в предместье церкви Карлскирхе...

Итак, мы все знаем, что официальной датой рождения Сталина считается 1879 год. Однако, это не так...

Историк Г. И. Чернявский пишет, что в книге регистраций Успенского собора в г. Гори значится имя Иосифа Джугашвили и далее следует запись: «1878. Родился 6 декабря. Крестился 17-го декабря. Родители – жители города Гори крестьянин Виссарион Иванов Джугашвили и его законная жена Екатерина Георгиевна. Крестный отец – житель Гори крестьянин Цихатришвили». Им делается вывод, что подлинной датой рождения Сталина является 6 (18) декабря 1878 года. Отмечается, что, по сведениям Санкт-Петербургского губернского жандармского управления, датой рождения И. В. Джугашвили значится 6 декабря 1878 года, а в документах Бакинского жандармского управления годом рождения помечен 1880 год. В то же время встречаются документы полицейского ведомства, где годом рождения Иосифа Джугашвили значатся 1879 и 1881 годы. В документе, собственноручно заполненном И. В. Сталиным в декабре 1920 года, – анкете шведской газеты *Folkets Dagblad Politiken* – значится год рождения – 1878-й.

Существует мнение, что дата рождения была перенесена на год вперед самим Сталиным, поскольку 1928 г. мало подходил для празднования 50-летнего юбилея: в стране происходили волнения крестьян в связи с искусственным повышением цен на промышленные товары, имелись и другие проблемы. Лишь к 1929 году Сталину удалось окончательно укрепить режим личной власти. Поэтому этот год и был выбран для празднования юбилея, соответственно чему была выбрана и подходящая официальная дата рождения.¹³

Факт искажения даты рождения Сталиным установлен научно и сомнений не вызывает. А теперь отнесемся к 1877 году, когда он, соответственно, мог быть зачат. Мы уже говорили здесь о том, что отцом его не мог быть простой сапожник Бесо – отец такого руководителя такого государства уж непременно был знатного рода. Думается, он и обучил Кэкэ тому, как надо воспитывать маленького Сосо. И такой человек в 1877 году в Гори как раз был. Это был великий русский ученый и путешественник Николай Михайлович Пржевальский.

¹² Йоханссон, Сигурд. Иосиф Рюрикович-Дракула: рассекреченная родословная генералиссимуса. – Екб, Издательские решения, 2017 г., ISBN 978-5-4483-8568-1.

¹³ Марк Крутов «Когда родился Сталин?», радио «Свобода», 14 апр. 2014

Все началось между второй экспедицией ученого к озеру Лобнор и в Джунгарию (1876–1877) и его третьим походом в глубины Тибета (1879–1880). Зимой и весной 1878 года Пржевальский поправлял здоровье на Кавказе, заезжал и в Гори, где, будучи гостем князя Маминашвили, познакомился с его дальней родственницей, двадцатидвухлетней Екатериной Джугашвили, урожденной Геладзе. К тому времени семья Геладзе уже достаточно давно жила в городе, и Екатерина была грамотна, что по тем временам было уникальным.

Николай Пржевальский, доселе не испытывавший особо рьяной тяги к женскому обществу, был очарован красотой юной и образованной грузинки. Встречался с ней и проводил время к взаимному удовольствию обеих сторон. Она приятно поразила его умом и образованностью. Это была не просто грузинская красавица, а родственница князя, ее вполне можно назвать горской светской дамой, правда, находившейся в бедственном положении, о чем Николай Михайлович узнал от князя. Поэтому нет ничего удивительного, что, находясь в уже известном нам настроении, Екатерина Геладзе решила обратить самое пристальное внимание на... красивого, солидного и наверняка здорового, имевшего высокие чины русского офицера...

К этому времени Екатерина была четыре года как замужем за Виссарионом Джугашвили, сапожником из села Диди-Лило. Супруги жили в Гори в скромном домике недалеко от кафедрального собора в «русисубани» – русском квартале, где были расквартированы военные и... где останавливались все русские путешественники. Все трое детей, рожденные Екатериной от Виссариона, умерли в младенческом возрасте. Ее муж в первые годы замужества снискал славу известного на весь город мастера, имел много заказов и смог открыть собственную мастерскую, но к моменту роковой встречи стал спиваться и издеваться над женой, в семье катастрофически не хватало денег, и Екатерина Геладзе была вынуждена заниматься наемной поденной работой, чтобы свести концы с концами.

Это была встреча, предначертанная свыше и уготованная самой судьбой. Они стали настойчиво искать общества друг друга и часто с явным удовольствием проводили время вместе. После отъезда Николая Михайловича с Кавказа, а именно 6 декабря 1878 года (по ст. ст.), а не 21 декабря 1879 года (по н. ст.), как всегда было принято считать, Екатерина Георгиевна Геладзе родила сына, названного Иосифом...

Характерно, что юный Иосиф никогда материально не нуждался. Пржевальский постоянно пересылал из России в Грузию весьма значительные суммы денег на содержание и образование ребенка. Во избежание кривотолков и огласки деньги, отправленные Пржевальским, получал сам князь Маминашвили и тайно передавал их счастливой матери. ...В глаза бросается удивительное портретное сходство Сталина и генерала Николая Михайловича Пржевальского. Родившийся после отъезда Пржевальского четвертый ребенок Екатерины Иосиф (он же Сосо) рос здоровым и крепким. Жизнерадостный и общительный, он всегда был окружен товарищами...

В 1885 году Джугашвили-старший уехал на работу в Тифлис, а князь неоднократно передавал матери Сталина значительные суммы присланных со Смоленщины «алиментов». Об этом косвенным образом свидетельствует и внучка Иосифа Виссарионовича Галина Яковлевна Джугашвили. Она не считает своим прадедом Пржевальского, но находит «внешнее сходство просто поразительным», а самое главное – соглашается с тем, что Пржевальский останавливался в Гори, а потом «высылал деньги Катерине». И высылал их до конца своей жизни.

Мать И. В. Сталина – Екатерина Георгиевна Джугашвили мечтала вырастить сына, Иосифа Сталина, образованным. Пределом ее мечтаний был сан священника, и потому она пристроила его (не исключено, что с помощью «алиментов» Пржевальского) в духовное училище Гори, открытое еще в 1818 году и считавшееся старейшим учебным заведением города. Настояла, чтобы он занимался не только грузинским, но и русским языком, добилась стипендии в три рубля в месяц (по тем временам это были довольно приличные деньги).

Уж не для того ли Сталин изменил дату рождения, чтобы отдалиться от версии о столь знатном происхождении в стране, где за такую родословную вполне можно было «схлопотать» нечто менее привлекательное, чем должность Генерального секретаря? Авторы книги, которую вы держите в руках, его же устами подтверждают мою точку зрения.

Будучи незаконнорожденным сыном смоленского помещика и царского генерала, дальновидный «вождь всех трудящихся» предпочел в условиях победы пролетариата иметь «чисто пролетарское происхождение»... хотя бы на бумаге. Поэтому изменил дату своего рождения с 1878 на 1879, т. е. указал тот год, в котором Пржевальский находился в Китае и, значит, никак не мог стать его отцом...

И к слову. Когда большевики-ленинцы захватили в России власть, а ученик Пржевальского Козлов продолжал свои экспедиции в Монголию, о его почившем учителе, великом исследователе Центральной Азии, генерал-майоре и почетном члене Петербургской академии наук как-то очень тихо «забыли». Но после войны 1941–45 годов (а к этому времени Иосиф Сталин окончательно стер ленинскую гвардию в лагерную пыль и политика «пролетарского интернационализма» все больше стала напоминать державно-патриотическую), когда отец всех народов задумал вернуть советской стране ее героев, в числе самых первых именных наград была учреждена золотая медаль имени Николая Пржевальского. В энциклопедии сталинского периода портрет генерала Пржевальского дан в цвете и самый большой – больше портретов Маркса, Энгельса и даже Ленина. В 1946 году была учреждена золотая медаль имени Пржевальского. О нем сняли цветной художественный фильм. Возникает вопрос: не являлось ли все это пусть запоздалой и завуалированной, но данью памяти сына отцу, настоящему отцу, которую наконец-то мог позволить себе сын, ставший великим коммунистическим руководителем?! К этим историческим данным можно добавить данные о главной тайне Пржевальского: В 1878–1879 годах... Пржевальский проездом жил в Гори, где, верный своей привычке, вел дневник. В годы правления Сталина из архива Пржевальского весь этот период был изменен. Но в расходной книге за 1880–1881 годы по недосмотру цензора остались отметки об отсылке Пржевальским денег матери Сталина на содержание их общего сына Иосифа.¹⁴

Кстати, о том самом фильме. В 1950-е годы, когда еще жив был Сталин, советская съемочная группа задумала снять фильм про отца «отца народов». Мао Цзедун, славившийся дурным нравом и не всегда бывавший в ладу со Сталиным, наотрез отказывал советским кинематографистам в предоставлении пекинской натуры для организации и проведения съемок. Противостояние хотело уже было выйти на международный уровень, но в этот самый момент Мао перед Иосифом Виссарионовичем все же не сдюжил – разрешил съемки. Однако, задумаясь о причинах такого поведения Великого Кормчего – что такого сделал ему Пржевальский, о родстве которого со Сталиным малограмотный китайский крестьянин не подозревал? Наверное дело все в том, что не был Пржевальский никаким мирным путешественником, а был он генерал-майором Генштаба РИА, полевым разведчиком и уже потом – географом и натуралистом. К слову, во всех экспедициях отряд Пржевальского шел вооруженным до зубов, что не раз и не два пригодилось во время встреч с туземцами.

Вот что писал он в 1873 году одному своему другу об азиатских делах: «Здесь можно проникнуть... с деньгами в кармане, со штуцером в одной руке и с ногойкой в другой... С ними должны идти сюда европейцы и снести, во имя цивилизации, всех этих подонков человеческого рода. Тысячи наших солдат достаточно, чтобы покорить всю Азию от Байкала до Гималаев... Здесь можно повторить подвиги Кортеса». А в дневнике примерно в то же время написал так: «Лучший паспорт для Китая – это умение быстро и метко стрелять».¹⁵

¹⁴ <http://telex-spb.livejournal.com/67382.html>

¹⁵ Энгельгард М. Н. М. Пржевальский. Его жизнь и путешествия. – СПб., 1891.

Пржевальский, как и его сын, был суров и скор на расправу. Однажды китайский наместник одной из мелких приграничных областей отказался продать отряду верблюдов и баранов, и запретил наниматься к ним в проводники. Генерал, не заботясь о дипломатических тонкостях обращения с иностранными подданными, вразумил несговорчивого чиновника: «Тогда без всяких дальнейших рассуждений я посадил Дзун-Засана под арест у нас в лагерной палатке, возле которой был поставлен вооруженный часовой. Помощник князя, едва ли не еще больший негодяй, был привязан на цепь под открытым небом».¹⁶

Как и Сталин, он ненавидел женщин. «Женатиков» генерал незамедлительно гнал из отряда – так, например, было с поручиком Михаилом Пыльцовым, который по возвращении из первой экспедиции в Азию женился – Пржевальский тут же вычеркнул его имя из состава участников нового похода. Похожая ситуация сложилась и с переводчиком – драгоманом Абдулом Юсуповым.¹⁷

Когда русский конкистадор скончался в 1888 году, писатель Антон Чехов написал: «В наше болезненное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни... подвижники нужны, как солнце. Есть, есть еще люди подвига, веры и ясно осознанной цели». Разве не подобным же образом сожалела страна, включая деятелей культуры, о смерти вождя в марте 1953 года?..

Теперь о происхождении. Пржевальский принадлежал к шляхетскому роду, герба Лук: «Серебряные Лук и Стрела, повернутые вверх на Красном Поле», дарованные за воинские подвиги в сражении с русскими войсками при взятии Полоцка армией Стефана Батория.¹⁸

Дальним предком Николая Михайловича был воин Великого княжества Литовского Карнила Анисимович Перевальский – казак, отличившийся в Ливонской войне.

Итак, Великое княжество Литовское. Что связывает Ивана Грозного с ним? Понятно, что прямым потомком царя Пржевальский не являлся, всем хорошо известна история о замученном Борисом Годуновым царевиче Дмитрии в Угличе в 1591 году. Но корни были общие!

Какое же отношение имело Великое княжество Литовское к Ивану Грозному? Да самое прямое. Просто волосы дыбом становятся, когда открываешь для себя, что мать царя – Елена Глинская – была из знатного литовского рода! Вот тебе и родство!

Своей известностью род Глинских обязан князю Михаилу Львовичу (1470–1534). Он воспитывался при дворе немецкого императора, принял католичество, участвовал в Итальянских войнах. При вступлении на престол короля Сигизмунда Глинский поднял мятеж, но, потерпев поражение, бежал в Москву.

После брака племянницы Михаила Глинского, Елены, с великим князем Василием Ивановичем (1526) значение рода чрезвычайно возросло, а после смерти Василия в 1533 года они стали фактическими правителями Московского государства. Против них при дворе составила партия во главе с Шуйскими, которые и подняли против них московскую чернь после пожара 1547 года. На этом господство Глинских в Русском государстве пришло к концу.

Итак, мы видим, что между Пржевальским – отцом Сталина – и Иваном Грозным существует не прямое, но все же родство!

А теперь проследим связи между Великим княжеством Литовским и Валахией, возглавляемой Дракулой. Де-факто она всегда была территорией, подконтрольной Молдавскому княжеству (ввиду территориальной близости). Значит, в данном контексте имеет смысл говорить о связях между Молдавским княжеством и Великим княжеством Литовским. Великое княжество Литовское было одним из крупнейших европейских государств Средневековья, прости-

¹⁶ Зеленин А. В. Путешествия Н. М. Пржевальского. – СПб., 1900.

¹⁷ Гавриленкова Е. П. Неизвестные страницы жизни Н.М. Пржевальского. – Изд. 2-е, доп. – Смоленск: Свиток, 2012. – 216 с. – 1000 экз. (обл.)

¹⁸ Gajl T. Polish Armorial Middle Ages to 20th Century. – Gdańsk: L&L, 2007. – ISBN 978-83-60597-10-1. (польск.)

равшимся от Балтийского до Черного моря и включавшим в период своего расцвета территории современных Беларуси, Литвы, значительной части современной Украины и европейской части России. Вассальную зависимость от него в различные периоды истории признавали Молдавское княжество, Великий Новгород, Крымское ханство и так далее. Признавали... А вернее, вассалами и были. А случилось все так, что в 1440 году князем княжества был избран Казимир Ягайлович. Казимир расширил международное влияние династии Ягеллонов – подчинил Польше Пруссию, посадил своего сына на чешский и венгерский троны. В 1492–1526 годах политическая система Ягеллонов охватывала Польшу (с вассалами Пруссией и Молдавским княжеством), Литву, Чехию и Венгрию.

Теперь взглянемся более пристально. Мы видим, что Пржевальский – отец Сталина. Предки Пржевальского – знатные офицеры из знатных родов Великого княжества Литовского, которое фактически контролировало Молдавское княжество (с Валахией, вошедшей в его состав вскоре после смерти Влада Дракулы). Те же знатные литовские роды являются прародителями Ивана Грозного посредством его матери, Елены Глинской. И здесь наивно думать, что, несмотря на значительный объем территории княжества, знатные роды, в том числе воинские, не пересекались между собой. Во все времена и всюду существует сонм феодальной власти и высшего руководства, в который абы кого не пускают – вход, как принято говорить, рубль, выход – два. И здесь определяющим критерием являются сугубо родственные отношения. Они-то и имели место между Глинскими и Пржевальскими, что уже не вызывает сомнения! Они же имелись и между родом Дракулы (без сомнения, имевшим значительный удельный вес в руководстве Молдавского княжества) и теми же Глинскими, фактически подчинившими себе княжество. Ну а о связях Пржевальского и Сталина известно всем...

И здесь уже совершенно иной окрас принимают сходства трех правителей. Всем известно, что Дракула любил вино «Медиаш» – не только в романе Брэма Стокера, но и в грамотах валашского господара отражен этот факт. Любили вино и его потомки.

Одним из вин, которые часто пил Сталин, было «Александреули». Вино редкое и дорогое. Данный напиток нуждается в особых условиях хранения и быстро портиться, поэтому его доставляли к Сталину специальными авиарейсами.

Сталин любил пить «Маджари». Это очень слабое молодое вино, поэтому его, нередко, вождь называл соком. Напиток известен и под другими названиями: гейригер, маджари, тулбурел, бурчак, маچار, маджарка. Вино шипучее и чуть покалывает язык. Оно не склонно к длительному хранению из-за малой крепости.

Ни для кого не секрет, что полусладкая «Хванчкара» была самым любимым вином Сталина. Это полусладкое вино из виноградных сортов «Александроули» и «Муждуретули». Вино обладает насыщенным вкусом и отдает малиновыми тонами.

Довольно часто Сталин пил «Цинандали». Это белое марочное вино, получившее свое начало в 1886 году. Производится из сортового винограда «Ркацители» и «Мцване» и выдерживается не менее двух лет. Напиток обладает медовым ароматом с цветочными тонами.

Самым необыкновенным вином, которое пил Сталин является «Телиани». Это марочное красное вино, которое производится из знаменитого виноградного сорта «Каберне Совиньон». Вино имеет гармоничный вкус, разливающийся барбарисовыми и вишневыми тонами. В нем сочетаются мягкость и бархатистость.

Нельзя не упомянуть о «Киндзмараули» – это знаменитое вино, которое также любил пить Сталин. Производится напиток с 1941 года. Полусладкое красное вино обладает бархатным вкусом спелой вишни. Производится «Киндзмараули» из капризного сорта винограда «Саперави». Настоящее вино считается редкостью, так как производится из ограниченного количества винограда. Выдерживается напиток в специальных кувшинах.

Как настоящий грузин, Иосиф Сталин разбирался не только в алкогольных напитках, но и в сезонности вин. В летние месяцы Сталин предпочитал белые вина, а зимой Генсек пил только красное сухое вино.

Коньяк Сталин употреблял очень редко. «ОС», «Енисели», «КС» часто предлагались только гостям.

Еще Сталин предпочитал пить сухое домашнее вино, которое предварительно разбавлял холодной водой. В последние годы жизни Генералиссимус пил очень слабые вина, крепостью не больше 4 градусов.¹⁹

А вот о пирах Ивана Грозного сказать надо особо. Начнем с яркого и художественного отрывка из романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», где описан пир, устроенный Иваном Грозным для своих верных опричников. Их на этом пиру присутствовало 700 человек. Писатель, среди прочего, упоминает, что после первых блюд подавались вина. Привозное из Европы вино называлось фряжским, независимо от страны происхождения, будь то Италия, Испания или Франция. И царь посылал чашу или кубок заморского вина почетным гостям, в этом случае обрядовая сторона была той же, что и при раздаче еды. Так называемую задравную чашу, какую гости получали из рук самого царя, не выпить было просто невозможно. Отказ означал оскорбление государя. И это тоже было не по вкусу иностранцам, привыкшим к другим обрядам у себя на родине. Еще для них было удивительным, когда, вернувшись после пира на место своего временного в Москве жилища, они обнаруживали посланцев царя с дарами – ведром вина и возом всяких продуктов и кушаний. Это служило знаком государевой милости и доброго расположения.

Слуги, подавая тому или иному отличному государем знатному гостю чашу с вином, называли его по имени с прибавлением «ста». Например: «Афанасий-ста, государь жалует тебя...» и так далее. Менее знатных величали с приставкой к имени «су», а всех прочих просто по имени. Самым изысканным угощением считалась почему-то отварная баранья или поросья голова с приправой из толченого хрена в сметане.²⁰

Итак, мы видим и объединяющую всех членов семьи по мужской линии страсть к вину. Знали толк в красивой жизни – одно слово, властители! Женщин ненавидели в равной степени.

Об их портретных сходствах не будем и говорить – в приложении приведены изображения всех героев, и потому читатель сам без труда сможет разобраться во всем.

Сталин очень чтит память Ивана Грозного – поощрял съемки фильмов о нем, всячески отмечал работу А. Н. Толстого над пьесой о своем дальнем родственнике, на полях которой написал трижды слово «Учитель», то и дело цитировал его в своих выступлениях. А вот о том, что Сталин чтит память не только знаменитого предка Ивана Грозного, но и не менее знаменитого Влада Дракулы, знают далеко не все.

Дракула происходил из рода Басарабов. В XV веке династия Басарабов разделилась на две конкурирующие ветви – старшая носила название Данешти (в честь основателя, Дана I), а младшая – Дракулешти (в честь Влада II Дракула). Престолонаследие с годами становилось всё более хаотичным, ибо власть передавалась не от отца к сыну, а легитимировалась боярским советом (хотя эти выборы зачастую носили формальный характер). Монополию Басарабов на правление Валахией прервал в 1592 году Александр IV Злой – представитель дома Мушатов, традиционно правившего Молдавией. В начале XVII века несколько раз на валахский престол поднимались представители рода Могила и Крайовеску, причём последние считали себя наследниками угасшей линии Басарабов-Данешти. Впоследствии притязания Крайовеску на принадлежность к старшей ветви Басарабов унаследовали родственные им Брынковяну. Последним из потомков Влада II на валахском престоле был Михня III (в 1659 году).

¹⁹ <http://spirtok.ru/kakoe-vino-pil-stalin/>

²⁰ Петраков А. Царские трапезы и забавы. Центрполиграф г. Москва 2014 год ISBN: 978-5-227-05167-7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.